

Николай Степанович ТАГАНЦЕВ (1843—1923),
 крупнейший российский юрист, основоположник
 и классик науки уголовного права в России,
 сенатор и член Государственного Совета,
 известный в прошлом общественный
 и литературный деятель

ДНЕВНИК 1920—1921 г.¹ (начиная с отъезда Нади в Витебск)

[1920 г.]

Мая 27 *«кового» «тиля»*. Надя² выхлопотала себе билет для поездки к отцу и матери в Витебск.

Мая 28, пятница. Надя в 3 часа уехала.

Мая 29, мая 30, мая 31.

Июня 1, вторник. Фрося³ и Даша⁴ получили паек в Миллионной, в Д*«але»* ученых! Последний раз я был в диетической столовой, ее в этот же день закрыли, отобрали всю посуду,

¹ Печатается по: Таганцев Н. С. Русское уголовное право : в 2 т. Тула : Автограф, 2001. Т. 2. С. 651—681.

² Надежда Николаевна, в замужестве Миштовт (1871—1942), старшая дочь Н. С. и З. А. Таганцевых. Преподавательница арифметики, а с 1914 г. начальница Женской гимназии Л. С. Таганцевой (сестра Н. С. Таганцева), затем учительница 15-й единой советской трудовой школы. Умерла в блокаду Ленинграда.

³ Франциска Зауэр, в 1917 г. кухарка Н. С. Таганцева, затем — кухарка и няня детей В. Н. Таганцева. Арестована 31 июня 1921 г. В показаниях от 23 июля В. Н. Таганцев указал на ее непричастность к делу, и ее освободили.

⁴ Прислуга Н. С. Таганцева.

прогнали всех служащих, кроме одного; вместо поварих стали стряпать повара. Отпускать стали очень небольшие порции: суп и кашу, и притом не по рецептам больным, а по трудовым карточкам для рабочих, и совсем малые порции — по обеденным карточкам. Большие мне ходить в столовую не пришлось ввиду лишения всякой возможности питаться по обыкновенным обеденным карточкам.

Среда, 2 июня н^{ового} с^{тиля}. В 11 часов Володя⁵ уехал в Москву, а со среды на четверг у нас был обыск: производил комиссар, сыщик и было человек 8 красноармейцев. Обыск начался в 4 ч. утра с нашей спальни с мамой⁶, причем прежде всего набросились на тюфяк, к^{оторый} был прорван, и пружин сломанные части высунулись одним концом из тюфяка. Так я спал на нем уже года два; вытащил сыщик всю внутренность, потом тщательно искали в пещке.

Потом мы узнали, что искали драгоценных камней, которых по доносу Володя получил для продажи в Москве, что я даже не подозревал. Кажется, что указание было на то лицо, которого бриллианты будто бы взял Володя и которое было заарестовано.

Обыск длился часа 4, но был вполне корректен: хотя и без юридических формальностей, но в присутствии председателя домового комитета бедноты. У меня взяли только какие-то письма; более писем и бумаг было взято у Володи в спальне, но никаких вещей, ни денег взято не было. У меня хотели взять две нераспечатанные игры карт, но потом оставили и их. Да ничего подозрительного и не было.

Мне объявили, что я, жена, внук Кирик 3 1/2 лет, внучка Ага 1 года 3 месяцев, няня-старуха и кухарка Фрося остаются под домашним арестом, и у нас была устроена засада.

3 июня н^{ового} с^{тиля}, четверг.

4 июня, пятница.

5 июня н^{ового} с^{тиля}. Третий д^{ень} ареста, суббота. Продолжалась засада, всех приходящих задерживали и отправляли на Гороховую, 2, где некоторые просидели дней по 4, по 5, и даже прислуга, бывшая у Зины, Нюша — две недели.

⁵ Владимир Николаевич (1889—1921), младший сын Н. С. и Е. А. Таганцевых. Географ. Глава нелегальной организации. 24 августа 1921 г. приговорен к расстрелу, но 27 августа все еще допрашивался. Дата расстрела неизвестна. Реабилитирован 27 апреля 1992 г.

⁶ Евгения Александровна, урожденная Кадьян (1850—1921), жена Н. С. Таганцева, старшая сестра его первой жены Зинаиды Александровны (1853—1882), мать З. Н. Фену и В. Н. Таганцева.

6 июня *«нового» «стилия»*, в воскресенье, четвертый день ареста, мы сидели за завтраком в 2 часа; застучали громко в парадную дверь и мама, опасаясь, что постучала дочь Надежда Николаевна, которая обыкновенно приходила по воскресеньям утром и у которой был грудной ребенок⁷, подошла к двери и неблагоприятно сказала: «К нам нельзя, у нас арест». Оказалось, что это пришел комендант Бозе (латыш), который пришел для проверки стражи, он пришел потом с черного хода, бросился вместе со стражниками в нашу столовую с браунингом в руке, страшно раздраженный, крича: «Кто осмелился говорить через дверь?». Он обращался ко мне, но жена встала и заявила, что говорила она. Тогда он грубым голосом закричал: «Как ты смела, отправляйся на Гороховую, я там тебя заморю!». Она пошла одеваться, я бросился за нею в комнату для Володи, когда она уходила, мне сделалось дурно, и она оставила меня в комнате у Володи в полубморке.

На автомобиле у нее произошел такой разговор с везшим ее комендантом Бозе. Жена: «Я плачу потому, что не знаю, что делается дома, ведь когда я уезжала, мужу сделалось дурно». Он: «Ну что ж, издохнет, тем лучше» (дословно верно).

Следователь на Гороховой сначала обращался с женою так: «Ну, баба, что вы наделали?» — и был суров, но потом, когда жена стала говорить, что то, что она сделала, было так естественно, и что она оставила дома меня в бессознательном состоянии, следователь смягчился и стал называть ее бабушкой, а затем отпустил ее домой с конвойным, пешком, так что она воротилась домой к шести часам.

Потом оказалось, что в тот день в какой-то засаде на Фурштатской у *«лице»*, кажется, оба дежурившие конвойные были убиты, а сидевшие скрылись, и Бозе перепутал и думал, что это случилось в засаде у нас⁸.

⁷ Внук Н. С. Таганцева А.Г. Миштовт.

⁸ Три абзаца со слов «На автомобиле...» до слов «... в засаде у нас» являются вставкой, сделанной рукой Н. С. Таганцева. Об этом эпизоде рассказано также в показаниях В. Н. Таганцева от 27 августа 1921 г.: «Засаду поставили в четверг, а в воскресенье в квартиру с шумом явились вооруженные люди и были изумлены, найдя семидесятилетних стариков, двух детей не старше четырех лет и прислугу-няню. Винавата была моя мать. Она ждала дочь и, услыжав стук, подошла к двери и сказала — к нам нельзя. У двери стоял Бозе, он проверял посты. В ответ он немедленно вызвал и вооружил имевшихся налицо коммунистов из дома, расставил их по лестнице, поведя правильно осаду. Под угрозой револьвера был приведен ничего не понимавший председатель домового комитета, по праздничному времени долго не отворявший дверь. Грозные люди обрушились гневом на семидесятилетнюю женщину, вызвав обморок старика-отца и истерику у маленького мальчика. По дороге Бозе успокаивал, что отцу, как очень старому, давно пора умереть, а ей, как дворянке, нужно что-нибудь покушать. Про себя он, впрочем, сказал, что он беспартийный. После допроса мать выпустили».

...Так я пролежал минут десять, а ее повезли в автомобиле на Гороховую. Она всю дорогу плакала, особенно потому, что оставила меня без чувств. Юный следователь, к которому ее привели, сначала обращался с нею грубо, на «ты», называл бабой, но потом, когда она стала объяснять ему, почему она так сделала, и сказала, что и он то же бы сделал, — следователь смягчился и к 6 часам отослал ее домой пешком с солдатом как арестантку. Когда она пришла, у нас оказался задержанным Михаил Иванович, который у нас перед тем ночевал две ночи (как сказал Володя, что он приехал из Москвы), впоследствии оказалось, что это был князь Шаховской. Я его фамилии не знал, да и самого-то видел один раз утром, потом он у нас обедал в Духов день, потом он уже в именины Кирика (11 мая, Кирилла и Мефодия) завтракал вместе с сыном. Тогда я уже знал, что он — Шаховской. Когда он попался в засаду, он был страшно взволнован, метался по камнате, точно в зверинце хищные звери в клетках⁹. Теперь стало известным, что он приговорен на сколько-то лет в обязательные работы.

После ареста Шаховского никого сколько-нибудь подозрительного у нас не арестовывали.

7 июня, понедельник.

8 июня, шестой день ареста, вторник. За пайком моим и Володи ходила Даша, потом оказалось, что она часть взятого оставляла себе, например часть хлеба, масла, сахара, в гимназии, откуда мы получали обеды, она продолжала получать обеды каждый день на четырех, и даже усиленные порции, но преспокойно брала себе, нам же лишь под конец ареста стала приносить только суп и изредка немного каши.

9 июня нового с^тиля, среда. Отдали Максиму плату за квартиру.

10 июня нового с^тиля, четверг. Восьмой день ареста. Продолжаем сидеть в одной камнате без перемен. Кажется, о нашем аресте уведомили Надежду Феликсовну¹⁰. У жены после тряски в автомобиле по теперешним изрытым улицам Петербурга, когда ее повезли на Гороховую, появилась ее старая болезнь — камни в печени: страдала страшно сегодня и в ночь на пятницу.

⁹ Согласно показаниям В. Н. Таганцева от 27 августа 1921 г., князь Д. Н. Шаховской после рискованной операции — покупки шведских крон в начале 1920 г. оказался под наблюдением чекистов, но сумел ускользнуть, сбрил бороду, поменял одежду и «превратился в Иванова», несколько дней скрывался на квартире Таганцевых, а позднее — в июне, придя к Таганцевым, попал в устроенную чекистами засаду.

¹⁰ Урожденная Марцинкевич (1894—1921), вторая жена В. Н. Таганцева, мать Агнии. В первую мировую войну — врач Красного Креста. Расстреляна по приговору от 24 августа 1921 г.

Пятница, 11 июня. Девятый день ареста. Получена открытка от Нади из Витебска, вероятно, бывшая в сыскном: шла очень долго.

Суббота, 12 июня. Десятый день ареста. То же.

Воскресенье, 13 июня. Одиннадцатый день ареста. То же.

Понедельник, 14 июня «нового» «тиля». Двенадцатый день ареста. Я обнаружил, осматривая свой письменный стол, что после переселения нас в комнату Володи из моей кожаной папки, оставшейся, к сожалению, у меня на письменном столе, вынуты все бумаги, в которых, к счастью, ничего важного не было, кроме материалов для воспоминаний о пережитом, письма Ивана Петровича (старший рабочий) из Залучья¹¹, написанные после нашего выселения отсюда, и еще кое-что. Буду узнавать, куда дежурившие у нас гонимы их дели.

Вторник, 15 июня. Тринадцатый день ареста. Сегодня ночью чувствовал себя плохо: все оконечности онемели, пульс едва прощупывался. Принимал строфан.

Среда, 16 июня «нового» «тиля». Четырнадцатый день ареста. Отдыхался, чувствую себя лучше. Сегодня сказал красноармейцу, которого подозреваю в хозяйничестве, о том, что они взяли мои бумаги. Он сначала заперся, но потом сознался, что это сделал его товарищ, и отнес, по его словам, к следователю.

Наши маленькие запасы пшена и картофеля истощились, и мы начинаем окончательно голодать. Сегодня у нас, например, были за обедом суп и кашка из хлебных крошек. Получаемый мною паек к нам не доходит; а равно, что мы имели по карточкам. Сегодня пропустили почему-то только две плитки шоколада.

Четверг, 17 июня. Пятнадцатый день ареста.

Пятница, 18 июня. Шестнадцатый день ареста. Пишу заявление следователю.

Суббота, 19 июня. Семнадцатый день ареста. Голодуха продолжается. Сегодня за обедом был суп жиденький, одна селедка да хлеб, который принесли с Гороховой.

¹¹ Залучье — усадьба Таганцевых в Вышневолоцком уезде Тверской губернии, в нескольких километрах от железнодорожной станции Академическая (между Бологим и Вышним Волочком). В 1918 г. национализирована. В 1919 г. превращена в Опытную станцию Сапропелевого комитета Российской Академии наук, где работал В. Н. Таганцев и 31 мая 1921 г. был арестован. В 1924 г. большой усадебный дом сгорел. В малом усадебном доме и трех домиках для работников усадьбы в 90-е годы прошлого века находилась база отдыха Московского нефтяного института имени Губкина, на земле усадьбы построены частные коттеджи, а построенная Н. С. Таганцевым школа продана местными властями районному чиновнику под дачу.

Воскресенье, 20 июня. Восемнадцатый день ареста. У мамы разболелся глаз. Нарыв на веке и опухоль пошла на щеку. Просил прислать врача-хирурга Сапожкова или Грекова. Они ответили, что их нельзя, — пришло от следователя. Пришло, вероятно, какого-нибудь жида. Прилагаю текст поданного мною заявления следователю.

«Гражданин следователь. Сегодня окончилось 18 дней моего домашнего ареста. Меня не допрашивали ни как обвиняемого, ни как свидетеля. Причина ареста мне неизвестна. Мне 77 лет, у меня болезнь сердца, необходимо движение на чистом воздухе. Прошу Вас обратить внимание на мой арест и окончить его.

Николай Степанович Таганцев»
18 июня 1920 г.

[1921 г.]

Первые недели после смерти мамы тянулись мучительно долго¹². Шли однообразные, так сказать, животные дни, я все не мог примириться с мыслью, что уже я никогда ее не увижу и не услышу. Пришел девятый день, сходил к Симеону на Моховую¹³, служил отец Сергей; на кладбище после похорон я и до сих пор не попал за отсутствием средств передвижения. На панихиде были почти только свои, потому что в газетах оповестить о панихидах невозможно. Накануне панихиды я уходил на Литейную¹⁴ и оставался там после панихиды еще один день. Володя перенес мою кровать и письменный стол в угловую, т.е. нашу старую спальню, там я был перед портретом мамы работы Кустодиева, который мне теперь сделался особо дорог. Сам Володя перенес свой письменный стол в столовую, туда же перенес и рояль. Двадцатый день совпал с моими именинами (9 мая), после панихиды я пришел на Литейную и остался там и на именины Кирика (11 мая), так что я провел на Литейной дней 5, все шло по-хорошему, также однообразно время протянулось и до 40-го дня, который был 29/16 мая, воскресенье. Еще в пятницу вечером у меня на Милли-

¹² Е. А. Таганцева скончалась 19 апреля 1921 г., похоронена на Митрофаниевском кладбище.

¹³ Храм праведных Симеона Богоприимца и пророчицы Анны — на углу Моховой и Симеоновской улиц, близ Симеоновского моста, был освящен в 1737 г. в присутствии императрицы Анны Иоанновны. До переезда в Дом ученых Н. С. Таганцев был его прихожанином. В январе 1938 г. духовенство репрессировано, храм закрыт. Возрожден в 1991 г.

¹⁴ Н. С. Таганцев имел в виду свою квартиру: Литейный проспект, 46, квартира 20. После его перехода в общежитие Дома ученых, в ней остались жить семья В. Н. Таганцева с прислугой.

онной были Фрося с Кириком¹⁵; они приходили за Володиным ученым пайком; расставались мы, ничего не подозревая. Володя не хотел остаться на 40-й день и уехал с 5 спутниками, в том числе с Викторком Михайловским Козловским, от Сапропельного комитета в Залучье. В субботу утром, не помню через кого, до меня дошли слухи, что в ночь с пятницы на субботу на квартире у Володи был обыск, устроена засада. Поэтому я на ночевку к ним не пошел, а явился прямо к Симеонию на панихиду. Там сведения подтвердились, причем было сообщено, что, кажется, Надя арестована и отвезена на Гороховую, а Палзикова сообщила даже, что и дети, и Фрося увезены. Последнему слуху я не поверил, потому что детей и Фросю видели, как сообщил бывший дворник дама, в окне. В понедельник слухи об увозе и аресте Нади подтвердились, причем сообщили, что был вторичный обыск, уже в отсутствие председателя дом^{ового} комит^{ета}, и что этот обыск сопровождался страшным разгромом квартиры, т.е. всякой движимости. Тогда я, страшно беспокоясь о детях и в особенности о Кирике, во вторник 31 мая утром решил сам ехать на квартиру и остаться там с детьми. Я обратился в Комитет Д^{ома} ученых¹⁶, где было заседание под председательством А. М. Горького, сообщил ему, что происходит у нас, и просил помочь мне отправиться домой. Комитет и особенно Горький отнесся очень внимательно к моим почти истерическим словам, и Горький дал мне своего извозчика, и я около часа поехал на Литейный. Когда я вошел в квартиру, т.е. в засаду, то меня, конечно, пропустили, но сейчас же как заарестованного хотели стражники отправить на Гороховую. Я заявил, что явился добровольно, зная, что в квартире засада, что я не уйду, так как эта квартира моя, что идти пешком я не могу за болезнью ног, а останусь здесь под домашним арестом, пока не освободят детей. Я был крайне доволен, что решил приехать и остаться, потому что ребятишки, а в особенности Кирик, выбежали ко мне крайне возбужденные и обрадованные, да и взрослые, т.е. Фрося и заарестованная вместе с ними чухонка-прачка, старуха 60 лет, из богадельни, стиравшая у нас белье и в этот день заночевавшая на квартире. Так я и остался под

¹⁵ *Кика, Кирик* — Кирилл Владимирович (1916—2000), сын В. Н. Таганцева от первой жены Агнии Ефимовны Бузолиной, дочери иркутского промышленника, умерла после родов в 1916 г. С 1922 г. воспитывался в семье тети Н. Н. Миштовт. Окончил физический факультет Ленинградского университета, где после участия в Великой Отечественной войне был преподавателем.

¹⁶ Петроградская комиссия по улучшению быта ученых.

арестом, беседовал с ежесуточно менявшимися стражниками и стал приводить в порядок сначала мой кабинет и спальню, в которой все ящики в письменном столе были частью отперты, частью взломаны, все перерыто, многое из моего архива, находившееся в ящиках, унесено, между прочим мой, выданный из Департамента геральдики герб, моя гербовая печать, письменные принадлежности, полученные мною от Гринберга из Комиссариата народного просвещения, некоторые бумаги, я, например, не нашел старых планов Залучья, и т.д. Привел в порядок книги на моей книжной этажерке, также все перерытые и раскиданные. Затем попытался водворить некоторый порядок на письменном столе сына и в ящиках стола, уложил разбросанные в разных местах ноты. Потом стал приводить в порядок гостиную, где у нас была составлена мебель и накрыта холстом. Эта комната представляла нечто невообразимое. Вся мебель была нагромождена одна на другую, стулья и кресла поломаны, письменные столы и туалет с ящиками мамы весь опорожнен и вещи разбросаны по полу, поверх всего рассыпаны были листы бывших в моей шифоньерке томов собрания узаконений за три года, все печатные и писанные документы, относящиеся уже к описанным мною заседаниям комиссии под председательством Государя¹⁷. Трудился я в первые четыре дня моего ареста добросовестно; в комнаты Володи я не заглядывал, там разгром был еще более невероятный. Все представляло один первобытный хаос: книги, мебель, вещи, бумаги — все лежало горю, в которой разобраться было невозможно. Так прошло четыре дня. Питались мы кое-как, хлеб приносили с Гороховой, были кой-какие продукты. Готовила Фрося, бывшая и прежде кухаркой. В конце четвертого дня явился следователь Отто (латыш), который стал производить третий обыск, главным образом в письменном столе Володи, который я только что привел в порядок, — показалось ему, очевидно, что я, приводя в порядок бумаги и книги, спрятал что-нибудь; потом произошел осмотр картин, нот около рояли, опять создался новый хаос. Следователь допрашивал у меня, кто бывал по вечерам у Володи, и на мой естественный ответ, что я сам с октября не бывал в квартире, он продолжал спрашивать, бывали ли такие-то. При этом оказалось, что благодаря неверному языку он называл женские имена с мужскими окончаниями. Да к тому же и когда я жил вместе, я обыкновенно в 11 часов уже спал и вечерних гостей не видал, потом спросил меня, почему я не показываю, что у него найдена про-

¹⁷ Совещание по основным законам под председательством императора Николая II в Большом Екатерининском дворце Царского Села 7—12 апреля 1906 г.

паганда белых, что будто Фрося показала, что она говорила мне, что в печке (правильнее, в трубе железной печи в спальне Володи) найдены прокламации. Я сказал, что если она это показала, то, вероятно, говорила, хотя она же мне заявляла, что при обыске не была и что нашли не видела. Я заявил следователю, что из моего письменного стола в спальне-кабинете взято моих личных денег 83 000 в советских деньгах, которые я носил на груди в замшевом мешочке и оставил на столе, чтобы взять назад к себе после панихиды 40-го дня. Потом следователь заявил, что он мне их возвратит, но до сих пор, т.е. до 22 июня, не возвратил. Затем следователь и комиссар объявили мне, что Фросю с детьми увезут немедленно в приют на Пантелеймоновскую, 5, а я с чухонкою-прачкою останусь в засаде впредь до распоряжения. Так и сделали. Опечатали все комнаты, нам оставили только маленькую людскую, такую же детскую и кухню. С нами остались стражники, а остальные обитатели с великим плачем и стенаниями Кирика были увезены на автомобиле.

После их увоза я пробыл под арестом еще четыре дня. Питались мы преимущественно чаем и кофе, было немного хлеба, да ежедневно из Гороховой получали на нас двоих фунт хлеба и 1/8 сахара, да еще пользовались провизией сухою, которую принес председатель домового комитета Максимов по пайку Володи. Одним словом, я не голодал. Накануне Вознесения часов в 8 вечера приехал комиссар и еще несколько человек. Сначала предполагалось, что при мне запечатают и дверь с черной лестницы и установят общий домовый надзор, но потом оказалось, что меня увезли, чухонке дали удостоверительный билет, что она была в засаде, чтобы ее не исключали из богадельни, куда она не являлась в течение почти двух недель. Узлы, которые были с нею, она снесла частью в домовый комитет, частью взяла с собою. Меня отвезли на автомобиле в Д<ом> ученых на Миллионную. Дорогою сопровождавший меня камунар сообщил мне, что он ездил в Залучье и привез сюда Володю, что Володя сидит на Гороховой.

На другой день я пошел прежде всего на Пантелеймоновскую, 5, там оказал<ся> приют для мальчишек. Мне сказали, что Кика сидел там дня три один, а потом его увезли в распределительный пункт на Михайловской ул<ице>, б<ывшая> «Европейская» гостиница, а Агу¹⁸ совсем и Фросю не привози-

¹⁸ **Агния Владимировна**, в замужестве Сыромятникова (1919—1997), дочь В. Н. и Н. Ф. Таганцевых. После расстрела родителей воспитывалась у сестры матери. Окончила 1-й Медицинский институт, по специальности хирург, была врачом скорой помощи, директором медицинского училища.

ли. На другой день, значит после Вознесения, я сначала пошел на Гороховую, чтобы увидеть следователя Отто, получить от него, согласно переданному мне Максимовым, 83 тысячи моих денег и точнее узнать, куда девались дети. Но к следователю, несмотря на мои хлопоты, меня не допустили, заявили, что для получения пропуска к нему надо предъявить его приглашение меня. Указание мое на то, что это фактически не достижимо — получить приглашение, не выдавши того, кто должен пригласить, — получил неленый ответ, что иначе не могут дать пропуска. Так, к следователю я не мог попасть и ничего не узнал. С отчаянием пошел я на Михайловскую. Как найти в громадном помещении привезенного туда пятилетнего мальчика? И места, и детей там много. Но промысел Божий охранял детей! Совершилось просто чудо. Подхожу к входной двери, а у входного тамбура с другой, внутренней стороны стоит мой дорогой Кирик с принявшей его под свое покровительство воспитательницей и учительницей Марьей Никитичною Трушниковой. Оказалось, что она, зная его близко по дому, приняла под свое покровительство, поместила, чтобы не смешивать с другими мальчиками, в лазарет, где он по своему ласковому характеру успел уже приобрести сочувствие и дружество управляющего персонала. Мне он, конечно, страшно обрадовался, пришел я с ним в комнату Марии Никитичны, но он нервно-чувствительно ничего не говорит ни о папе, ни о маме, этот удар залег в его детскую память. Следующие дни прошли по моим хлопотам по Дому ученых о возвращении моих вещей. Но, кажется, без результатов.

Кажется, 26 или 27 июня¹⁹ посетил меня Максимов, который сообщил, что удары судьбы продолжают, что через два дня после моего увоза с Литейной туда приехал грузовой автомобиль, на котором увезена почти вся оставшаяся движимость, кроме икон и мебели и части книг, что увезено более 10 сундуков и корзин с платьем, бельем, всякою одеждою

¹⁹ Ошибка памяти. Чекисты увезли к себе на Гороховую улицу, 2 вещи с квартиры Таганцевых 15 июня. Н. С. Таганцев узнал об этом 16 июня. Вторжение чекистов в квартиру продолжалось и позднее. В ней проводили обыски 17 июля — сотрудник для поручений Солодов в присутствии следователя ЧК Якобсона, который вел дело Н. С. Гумилева, и секретаря домового комитета Максимовой, 18 июля — сотрудник для поручений Комаров в присутствии Максимова, 6 августа — сотрудник для поручений Егоров в присутствии нового председателя домового комитета П. Варичева. 12 августа в квартиру заходил вновь Якобсон, как указано в протоколе — закрыть водопроводный кран, и затем устроил обыск в бывшей квартире Н. С. Гумилева (Преображенская улица, 5/7, квартира 2). 29 августа Петроградская ГубЧК передала квартиру с оставшимися в ней вещами некоему Зубкову, затем ее занял делопроизводитель Петроторга А. С. Толстой.

взрослых и маленьких; что увезено все в подвалы на Гороховую, а что при этом присвоено увозившими — конечно, Бог ведает, что при этом хотя и составлялась опись, но в таких общих рубриках, что ничего не определишь. Так все продолжалось и далее — удалось установить только переписку с заключенными, т.е. Володей и Надей. Они, возвращая посуду, сообщали, что они просят прислать, и посылали краткие записки, даже подписанные. Но наконец как будто остановилась карающая десница Господня и началось успокоение. Прежде всего всепоглощающее время внесло умирение в мою душу, потрясенную утратой мамы. Когда грянула описанная выше гроза над Володей, Надей и детьми, я духовно прозрел, что не печаловаться следует о неожиданной и по моим понятиям преждевременной кончине мамы. Господь ведал, что ниспослал, ее кончина была для нее наградой, а не карой Господню — что бы переживала и пережила она за эти страшные дни с ее характером, с ее беспредельной любовью к Володе и Кирику. Бог осенил ее своею милостью, уберег ее сердце от невыносимых страданий. Да, судьбы Божии неисповедимы. Затем началось улучшение и в отношении живущих, и прежде всего участи детей. Должен сказать, что я, найдя Кирика, думал, что для него будет лучше, если я устрою его в санаторию для детей дошкольного возраста, мне очень хвалили заведующих — настоящих педагогов-женщин, и относительно хорошую пищевую обстановку. Но вот пришла ко мне (кажется, в субботу 18 июня) сестра Надежды Феликсовны, Софья Феликсовна Гринева, и стала убеждать меня на лето, до ожидаемого возвращения из тюрьмы родителей (или по крайней мере Нади), отдать детей к ним на дачу в Вырице, где они будут на чистом воздухе, вместе с ее дочкой Ниной, после некоторых колебаний я согласился. Тотчас же написал заявление на имя заведующего распределительным пунктом д-ра Топнера, что я желаю взять Кирика на свое попечение, что тот на другой день и сделал. С Агой оказалась история более сложная. Я такое же заявление послал и к заведующей приютом на о-ве Голодай, у Морского канала, где Марья Никитична разыскала Агу. Туда поехали Софья Феликсовна и Марья Никитична, но заведующая приютом отказалась отпустить Агу без полномочия матери, т.е. Надежды Феликсовны; так ни с чем возвращались они на Царскосельский вокзал, чтобы уехать с одним Кириком, но по Божью промыслу у Гринева, относившего пиццу Наде, оказалась записка, присланная с посудой от Нади, в которой она умоляет сестру взять на время ареста детей к себе. С этой запиской они опять возвратились в приют, и тогда заведующая после некоторых колебаний согласи-

лась отдать и Агу. Так Бог устроил детей. Это громадное облегчение. Одновременно я начал хлопотать о Володе и Наде. Я написал два письма Ленину и Гринбергу, в которых у первого я в приличной форме ходатайствую о возможном смягчении участи Володи, а у Гринберга, с которым я был близок и который лично знал Володю, прямо прошу защиты и, во всяком случае, спасения жизни. От Гринберга уже получил (правда, словесно) сообщение, через бывшую в Москве нашу заведующую, чтобы я не боялся, что ничего страшного не будет. Но пока это одни слова, которых, конечно, мало, о чем я написал во втором моем к нему письме, посланном через Осадчего.

Владимир Ильич!

Я обращаюсь к Вашему сердцу и уму, веря, и отчасти предчувствуя, что Вы меня поймете. Ходатайствую за моего сына Владимира, Вашего политического противника, теперь схваченного, судимого и которого ожидает тяжкое наказание.

Что он человек преданный науке — это знают и подтверждают его товарищи и ученые; что он человек чистой души и честных убеждений — это засвидетельствует знающий его, хорошо Вам известный, хороший человек — Захарий Григорьевич Гринберг.

Я назвал Гринберга хорошим человеком, потому что я его лично знаю, хотя по моим старческим (мне 78 л.), но твердым русским убеждениям — я хотя и не монархист, но и не большевик, чего никогда не скрывал и не скрываю, я другого лагеря.

Я обращаюсь к Вам с просьбой о смягчении участи сына по двум основаниям: 1) внешним, я хорошо знал Вашего покойного отца и Вашу мамушку; был в 1857 и 1858 гг. вхож в Ваш дом, 2) внутренним: потому что я, по своим убеждениям, в тяжелые времена царизма, никогда не отказывал в ходатайствах и помощи политическим обвиняемым. Это подтвердят все меня знающие, как мои ученики, так и все обращавшиеся ко мне.

Отнеситесь и Вы сердечно к моему сыну. В подтверждение моих слов об отношениях к Вашей семье и к нуждающимся в помощи, я ссылаюсь на мои воспоминания (Пережитое, изд. 1919 г., т. 2, стр. 31). Я посылал Вам мои воспоминания, напечатанные в Государственной типографии «слово неразборчиво» при содействии Гринберга, не знаю, дошли ли они до Вас. Фактические сведения о деле Володи я сообщают в письме к З. Г. Гринбергу.

На какое-либо уведомление от Вас о получении этого письма, не знаю, могу ли рассчитывать?

Заслуж. проф.,
почетный академик
Николай Степанович ТАГАНЦЕВ
Петербург, Миллионная,
D[ом] ученых, комната № 8.

Я это время живу спокойно, только стал есть очень много, так, что обжираться, правда, кормежка раз в день и пища вегетарианская, но пресыщение полное. Только одолевает леденящий ужас при мысли о бессмысленности моего бытия. Этот дневник — это вся моя производительная работа: ведь это менее, чем ничто. Меня только успокаивает общее сочувствие, которое удары судьбы, посыпавшиеся на меня, возбуждают во всех меня знающих и со мною разговаривающих (по крайней мере, на словах). Материальное мое положение невероятно улучшилось через то, что я получил из кассы взаимопомощи ученых 350 000 рублей, так что траты на продукты еды покрываются: купил для себя третьего дня молока бутылку, а сегодня 1 ф<унт> прекрасного вологодского масла за 20 000. Буду далее записывать подневно.

23 июня. Утром обещанного извозчика не оказалось, пошел пешком к начальнику секретной следственной Комиссии (Гороховая, 5), свидания добился сравнительно легко. Я пришел к 11, он приехал в половине первого, ждало несколько человек, но принял довольно скоро. Я отрекомендовался: заявил, что бывший первоприсутствующий уг<оловного> кас<сационного> деп<артамента>, сенатор, заслуженный профессор и почетный академик, он ответил, что меня знает, сам предварил, назвав мою фамилию: он юрист, хотя окончил курс в нашем университете после моего выхода, человек по виду весьма приличный²⁰. Я объяснил, что я пришел с тремя вопросами: 1) самый главный — о Володе: в чем он обвиняется. На этот вопрос он ответил довольно уклончиво, что обвиняется в пропаганде посредством распространения прокламаций, контрреволюционных листов и участия в реальном покушении на взрыв статуи Володарского, бывший 15 мая²¹ (к сожалению, я не спросил об обвинении его в том, что он вел казначейскую часть). Во-вторых, я спросил об Анне Юльевне Кадьян, которая сидит с первого дня задержания в 1-й день засады, т.е. почти три недели. Он сказал, что о ней ничего в следствии не упоминается и что ее, вероятно, забыли. Он записал ее фамилию и сказал, что сегодня же напомнит о ней. Наконец, в-третьих, я спросил о своих вещах и деньгах, отобраанных лично у меня.

²⁰ Я. Г. Озолин.

²¹ Первый памятник убитому рабочим-эсером комиссару по делам печати, пропаганды и агитации В. Володарскому (настоящее имя Моисей Маркович Гольдштейн) поставлен летом 1919 г. на Бульваре профсоюзов (Конногвардейском). Его автор, скульптор Моше Фебович Блох, в 1920 г. расстрелян чекистами за спекуляцию. 15 мая 1921 г., в праздник Красного флота, памятник был поврежден взрывом, устроенным членами Таганцевской организации, и затем вскоре разобран.

Он запросил об этом следователя Отто, но тот оказался в каком-то заседании. Тогда он вызвал какого-то другого следователя Леонтьева и заявил ему о моей просьбе. Затем в ответ на неслышанные мне слова Леонтьева он ответил, что я так стар, что сам явиться не могу, а затем сказал, что ответ сообщат мне в Д<ом> отдыха в Комитет. На этом мы расстались.

24 июня, четверг. Утром часов в 11 пришел ко мне председатель нашего домового комитета Максимов. Заявил, что у нас в квартире засаду сняли, заперли черный ход изнутри, а сами ушли через парадный, квартиру запечатали, а ключ передали Максимова.

После Максимова пришла Анна Юльевна, ее освободили вчера вечером, не знаю, было ли это последствием моего разговора с Озолиным. Я было встретил ее совершенно дружески, сочувствуя перенесенным ею страданиям человека, забранного по ошибке за чужие грехи, но через пять минут я уже не мог разговаривать с нею. Это человек, до такой степени поглощенный своим «я», всезнанием и пониманием, что с ней обыкновенным людям разговаривать нельзя. Как при жизни Ал<ександра> Ал<ександровича> Кадыяна к ней все относились почтительно и переносили все только ради уважения и любви к нему, так и теперь. Я думаю, что сидеть с ней в одиночке более чем трудно. Отношения мои совершенно те же, что и покойной мамы. Она сообщила, что сначала ее и Надю держали на Гороховой, что Надю при обыске раздевали до рубашки, так что не щадили ее женской стыдливости, обыскивали грубо мужчины, что потом на следователя из Москвы Попова она заявила жалобу, хотя, по словам Анны Юльевны, боялась, чтобы этим не повредить Володе. Потом Анна Юльевна рассказывала, что во время обыска один из красноармейцев хотел стащить какие-то вещи, что комиссар усмотрел это и не только обругал, но жестоко избил его (красноармеец был лет 20), что на него это страшно подействовало, что потом, когда они приехали на Гороховую, то этот красноармеец на лестнице застрелил комиссара и застрелился сам (на лестнице), она говорила, что потом, когда их водили на допрос, то они ходили по луже крови. Как я не верю в грубость и жестокосердность особенно комиссаров-латышей, но думаю, что некоторая раскраска события была. Она же сообщила, что будто бы Володю допрашивали 15 часов подряд, как когда-то Каракозова. Эти слухи на ее ответственности. Получаемые от Володи с провизией записочки имеют другой, бодрящий тон: конечно, он, может быть, скрывает.

26 июня, воскресенье. Над^ежда Ив^ановна Воскобойникова поехала в Москву. Поручил ей через Осадчего или лично напомнить Гринбергу, что «воз и ныне там». Сегодня день праздничный — ничего, вероятно, не будет. Вчера был у меня вторично бывший швейцар Государственного совета, который брал у меня первый выпуск моих воспоминаний, одобрял. Вспоминал, как подействовала на всех слышавших наши речи в ноябрьском заседании Госсовета моя краткая, но достаточно энергичная речь о том, что отечество в опасности и что пора сбросить ярмо Змея Горыныча — Распутина, тогда еще бывшего в апогее славы²². Ко мне почему-то все низшие служащие относились сочувственно. Днем ничего не произошло: только ел — хотя и растительную пищу, но более, чем надо, не жалея, употребляю сахар и масло. Все равно существовать недолго. Отдал швейцару чинить сапоги.

27 июня, понедельник. Пока ничего нового. Приходил Алекс^андр Ник^олаевич из Вырицы, сообщил, что дети здоровы. О Наде и Володе у него никаких сведений нет. Отдал ему Володин паек. Он сообщил слух, что будто суд над Володи был, но это невероятно. В пятницу я видел Озолина. Так как никаких других последствий нет, то я думаю сходить к нему в среду: может быть, что-нибудь узнаю.

28 июня, вторник. Сегодня была Анна Юльевна: как всегда, тяжелый человек, всегда неделикатный, полный самой себя, хотя сегодня была помягче. Была Надя [Миштовт], принесла известия от Володи и от Нади [Таганцевой]. Сидят и ждут, что будет. Сегодня принес сапоги швейцар. Прекрасно починил и взял недорого — 5000, говорит, что это только из любви и уважения. Я сегодня беседовал с нашей прислугой Иришей: как симпатично и любовно относится ко мне вся наша прислуга. Я теперь читаю Джека Лондона — несомненно талантливого писателя, но, бесспорно, сильно увлекающегося и недостаточно объективно-справедливого. Как ни далека от нас жизнь американцев, но несомненно, что черные краски сильно сгущены. Ведь нет ничего отрадного. В особенности в области гуманитарной и общечеловеческой. Перед господствующими нравами в Америке высокими идеалами покажутся не только наша современная действительность или эпоха догнивающего царизма конца XIX и начала XX веков, но даже в некотором отношении наша Московская Русь, с точки зрения ее общественных и государственных порядков. Что краски тенденциозно сгущены — это доказывает, напр^имер, описание знаменитой одиночной тюрьмы. Ведь, несомненно, вполне не-

²² Речь Н. С. Таганцева в Государственном Совете 26 ноября 1916 г.

достоверно, что там все напоказ, внешний порядок — а внутри неимоверное взяточничество, подкуп, а над всем приписываемые всей нации невероятная жестокость, лицемерие и ханжество. Довольно сказать, что быт каторги в «Мертвом доме» Достоевского куда же выше и человечнее быта этой обреченной одиночной тюрьмы.

29 июня, среда. Во вторник я опять ходил на Гороховую к начальнику секретно-сыскной части Озолну. В этот раз я, поблагодарив за отпуск Анны Юльевны, попросил его допустить мне свидание с Володей, так как я полагаю, что следствие уже в таком фазисе, что это может быть допущено. Он отнесся к ходатайству, по-видимому, благожелательно, так что я, придя домой, размышлял и даже сон видел подходящий, и пасьянс сошелся. Но в 11 часов утра 30-го Озолн по телефону объяснил мне, что он обращался к следователю, но тот ответил, что по ходу следствия это невозможно и что может быть допущено разве дней через десять. Боясь, что тут вмешаются не служебные, а какие-нибудь личные отношения следователя. Ходатайство мое о возвращении вещей и денег также не подвинулось вперед.

1 июля, пятница. Получаются с Волги ужасные известия о полной голодухе Поволжья — Симбирская, Самарская, кажется, Саратовская губернии — полная засуха и неурожай. К этому присоединяется полный разгром населения большевизмо-коммунистами: уничтожение всяких запасов, всяких орудий производства, скота, даже у таких деятельных рабочих, как сормовские и самарские немецкие колонисты, — все это теперь нищенствует и бродяжничествует. К этому присоединяются, как естественный придаток голодухи, повальные болезни, как голодный тиф и холера; мрет население страшно, так что эта часть России превратится, по-видимому, в пустыню. Путешествовать теперь, по слухам, безопаснее на волжских пароходах, потому что на поезда чинятся форменные нападения, так что теперь времена Разина, и прежние «сарынь на кичку» заменилось каким-нибудь пролетарско-анархическим возгласом. Вечером пришел Молчанов и принес, наконец, мою пенсию за три месяца. Перед ним заходила Анна Юльевна: нового ничего, приходится говорить об одном и том же. Беседовали мирно. Но так и кажется, что опять на чем-нибудь поссоримся. У ней в голосе чувствуется страшная нота зависти к моему благодушному и вегетариански-сытному состоянию.

2 июля, суббота. День прошел совершенно бессодержательно. Днем нигде не ходил, и поутру никто не приходил. Читал, как каждый день делал, утром две главы из Евангелия. Теперь

я по очереди дошел второй раз после смерти мамы до Евангелия Иоанна. Верую, но не могу не относиться сознательно к читаемому. По-моему, на сердце всего лучше действует Евангелие от Матфея: оно имеет характер непосредственного свидетельства современника Христа, веровавшего непосредственно в Божественное провиденциальное значение или, вернее, миссию Спасителя. Евангелие от Иоанна — хотя он, как заявляет о себе, тоже был пророк — но проявляет пытливым систематизирующий ум, он создает евангелическую догму, я откровенно записываю, что я читаю это Евангелие с великим удовольствием, он излагает ход событий, земную жизнь Христа, стараясь быть простым, но в то же время логическим к последовательно и толково записанным им событиям. Не могу не записать, что читая во второй раз его Евангелие, я испытывал умственное не только удовлетворение, но просто наслаждение. Сознаться, мне было бы больно и неприятно прочесть теперь научное исследование какого-нибудь ученого протестанта тюбингенской школы, доказывающего со всеми орудиями критического исследователя, что и Иоанна Евангелиста как живого современника земной жизни Христа не существовало. Я когда-то в молодости увлекался протестантизмом, когда я любил крепкую, мясную пищу, но чем более я старею, тем я более отхожу к верованию православно-кафоллической церкви в лице ее сердечно-разумных проповедников. Католичество чуждо мне по своему не проникающему в мое сердце, политически властному характеру. Мой идеал — это три старца в рассказе Лескова на острове Соловецкого (т.е. Белого) моря, которые не могли заполнить даже молитвы Христовой, которой учил их архиерей, но которые, желая вспомнить ее слова, пришли по морю на корабль, потому что они воистину веровали в Бога сердцем.

3 июля, воскресенье. Сегодня я спал спокойно. Вообще чувствую [себя] спокойным. Теперь является желание только одно: каким-нибудь чудом сесть в вагон или на пароход и доехать до Франции, а там: до Зины²³, прожить у нее хоть несколько месяцев, довести до нее этот дневник и прочесть ей. Она откликнется на многое. Много у нас родного в душе. Но, конечно, прежде всего — желание выволнить из тюрьмы Володю и обнять его свободным. По всем доходящим слухам, он ведет себя честно. Только бы сохранилось его здоровье, а разгром материального имущества — дело поправимое, наживное. Вот когда

²³ Зинаида Николаевна (1884—1946), младшая дочь Н. С. и Е. А. Таганцевых, жена банковского деятеля Е. Н. Фену (племянника А. Н. Бенуа), после 1917 г. уехала с ним и двумя дочерьми в Париж, позднее вышла замуж за другого русского эмигранта.

я думаю о Коле²⁴, честном и умном работнике, то я с ужасом думаю о его слабом здоровье. Если умрет он, что станет с его женою и сыном. Они лично изгладились из моего сердца: да, вероятно, и они оба не вспоминают или мало вспоминают дедушку. Но на какие средства будут они существовать в случае смерти Коли?

Воскресенье, как всегда полное затмение во всем. Мне почему-то напоминают теперешние воскресенья в Петрограде стоячие болота летом в жаркую погоду, когда по затянутой пыли водной поверхности скоро движутся паучки. Так по Миллионной проносятся автомобили и двуциклетки, а иногда и извозчики с властью и мушкетерами. Они только пользуются в силу коммунистически-анархического мировоззрения правами на механические и лошадиные двигатели. Общая жизнь исчезла. Может быть, скука — от старческого одиночества с постоянно безотрадными мыслями и представлениями.

Понедельник, 4 июля. Стоит очень теплая погода, от Озолина никаких распоряжений или сведений в Комиссию ученых не получено. Ко мне приходила сегодня какая-то ревизионная комиссия, из Осадчего, какого-то медика-хирурга и при неизбежном Родэ²⁵. Но последний необыкновенно отзывчив, обещал мне при свидетелях во вторник дать извозчика доехать на кладбище. Днем была у меня во второй раз Гаврилова, принесла для Володи носки, очень порядочные, купила на Андреевском рынке, заплатила 15 000 (вместо прежних 60 копеек), но, по крайней мере, его просьба о носках будет удовлетворена — хоть чем-нибудь усладить его арест, в последнем письме пишет, что очень мало спит — не более трех часов, все думает и беспокоится о Наде, а про Надю слышно, что она хворает. Для Володи пишу 3 раза в неделю передает компания Лазаревских, а для Нади — ее сестра и семья д-ра Попова; Фрося, говорят, питает прислуга дама — Литейный, 46.

Вторник, 5 июля. Сегодня величайшее счастье. Утром в 11 часов получил прекрасный экипаж от Родэ — колясочка, бывшая у шведского посланника. Он меня свозил на Митрофаньевское кладбище. Был на могиле мамы, поплакал на ее кресте. Могила или, вернее, вся насыпь над склепом поросла зеленью — всходы разных пород деревьев от налетевших семян от соседних кладбищенских деревьев. Почувствовал страш-

²⁴ Старший сын Н. С. Таганцева — Н. Н. Таганцев.

²⁵ Родэ Адолий Сергеевич (ум. 1930), купец I Гильдии, в 1909—1917 гг. владелец сада «Аркадия» с рестораном-варьете «Вила Родэ». С 1919 г. уполномоченный КУБУ, в 1920—1921 гг. директор Дома ученых. Получив литовское подданство, эмигрировал во Францию.

ное нравственное успокоение и облегчение. Завтра, в среду, Родэ едет в Москву, посылаю с ним письма к Горькому и Гринбергу, а Горькому вложил письмо и к Ленину. Повторяю все прежние ходатайства о Володе. Целый день праздничное настроение.

Среда, 6 июля. С утра в 10^{1/4} пошел на Литейную, 46, прямо к Максимова. Счастливым застал дома. От него получил несколько новых сведений. Разгром квартиры продолжается. Ему принесли бумагу из Отдела бесхозяйственных помещений, в которой сказано, что квартира Владимира Таганцева за арестом его и жены подлежит вселению, но в том же пакете оказалась бумага на мое имя в Петроградскую каммуну из Московского Кремля с уведомлением, что по моему ходатайству мне возвращаются мои вещи — платье и белье, но они в то же время из квартиры уже опять увезли мой письменный стол, мою этажерку, где хранился мой архив, стенные часы и еще что-то. Но зато выдали детское белье (оказались тряпки). По возвращении домой вечером видел сестру Киракозову, приехавшую из Москвы. Она привезла известия от секретаря Владимира Ильича Ленина и от Гринберга, что об моих вещах писали из Кремля в Петербург. Так как Максимов полагал, что я эти сведения получу из отдела Петрокаммуны (Адмиралтейская набережная, 8), а Киракозова сказала, что ее хорошая знакомая заведует этим отделом, то она обещала завтра поговорить с ней по телефону и сказать мне, как лучше сделать и когда прийти.

Четверг, 7 июля. С 10 часов я приготовился идти на Адмиралтейскую набережную, как получу известие от Киракозовой, и просидел целый день дураком, ожидая известия, и не дождался. Написал письмо няне²⁶ в Судак — ответ на ее письмо к маме, посланное няней еще на страстной неделе, когда няня ничего не знала о смерти самой мамы.

Пятница, 8 июля. Не дождавшись Киракозовой, пошел сам к Озолину. Просил опять о свидании с Володей. Опять вышла неудача. Озолин, по-видимому, относится благожелательно, объяснил, что следствие ведет новый следователь из Москвы, о моей просьбе о свидании позвонил к этому следователю, которого камера в Главном штабе, но его на месте не оказалось, я ждал потом целые полчаса, но те же результаты — пришлось отложить до получения разрешения. Относительно бумаги из Москвы, из Кремля, о выдаче мне вещей он подтвердил, что она лежит в Смольном (куда я, разумеется, дойти не могу), посоветовал обратиться к Кристи как председателю Комиссии Дома ученых — что я, конечно, и сделал. Не знаю,

²⁶ А. Г. Девяткина.

что будет завтра. Вечером была Надя Миштовт, тосковала все о том же: о крайне беспечном отношении Володи перед арестом и том, что иссякают источники средств для подсобного подкармливания сидящих. Расходы страшно большие: платят за фунт хлеба по 400, и все остальное соответственно. Получил опять записку от Володи. Он главным образом беспокоится о Наде и ее здоровье в тюрьме. Ее подкармливает Софья Феликсовна, также и Фростю, которая все продолжает сидеть.

Суббота, 9 июля. Ничего особенного по вопросу о свидании с Володей, никакого ответа через Озолина не получил, пробовал сам спрашивать по телефону — оказывается, трубка снята, надо отложить до будущей недели. Середи дня Ухтомская принесла очередное письмо от Володи (9-е!). Его перевели в новую одиночную камеру № 1, но перед отходом из № 17 он, как пишет, в первый раз хорошо выспался — а то, как он писал, спит не более двух-трех часов: все разные мысли мешают. Новая камера больше прежней и, как он же пишет, вид хуже. Говорит, что самочувствие его лучше, но все беспокоится о Наде.

Воскресенье, 10 июля. Сегодня ночью моя соседка Кристи родила, вчера еще она ходила по комнатам и готовила себе кушанье, а вечером отправилась в клинику Отто и приобрела себе сына. Никаких известий по Володиному делу не получил.

Понедельник, 11 июля. Утром попросил Корницкого²⁷, только что приехавшего из Ташкента, съездить в Смольный, чтобы добиться бумаги из Москвы, из Кремля, разрешающей мне получить свое платье и белье. Потом опять пошел к Озолину, чтобы узнать о свидании с Володей, и опять неудачно: у самого подъезда его встретил уезжающего куда-то в автомобиле. Нечего делать, отложил разговор с ним о свидании с Володей до завтра. Кормят нас пока все сытно, что-то будет дальше. Вперед ни шагу, следствие не двигается. Корницкий был в Смольном, там никаких бумаг из Кремля не оказалось.

Вторник, 12 июля. Утром пошел опять к Озолину. Видел его, но он мне сказал, что теперь дело у нового следователя Агранова и что пока он не ознакомится с делом и сам не допросит Володю, конечно, свидания быть не может. Он советовал еще обратиться к тов. Семенову, который, по его словам, стоит во главе политического розыска. Так и воротился ни с чем. Праздник Петра и Павла прошел грустно.

²⁷ Константин Осипович Корницкий, присяжный поверенный, управляющий делами ПетроКУБУ и отделом академического обеспечения Дома ученых. Позднее член коллегии защитников.

Среда, 13 июля. Ничего особенного не произошло. Удалось прислать прачку, которая будет стирать белье для Володи, присылаемое им из тюрьмы, у нас на дворе в прачечной.

Четверг, 14 июля. Сегодня день богат тревожными событиями. Утром ходил в канцелярию, возобновил «зеленую» карточку для Володи, которая где-то затерялась в хаосе обыска. Благодаря добрым людям устроилось: поверили и возобновили, а она ведь стоит 10 000. Получил по ней для него конфет $\frac{1}{2}$ фунта — 300 р.<ублей> и сушеных яблок 5 ф.<унтов> — 7000 р.<ублей>. Это будет подспорьем при питании и ему, и Наде. Рано утром к Кристи пришел академик Ольденбург с дочерью академика В. И. Вернадского. Оказывается, что <в> эту ночь арестовали Вернадского²⁸, была опять масса обысков. Затем вечером пришла Лазаревская и принесла письмо от Володи очередное, и на нем постороннюю приписку, что его вместе с другими (человек), говорят, до 300) перевели на Шпалерную²⁹. Это известие меня на первых порах очень расстроило. Гороховая так близко, здесь хлопотать о свидании и вообще видеть Озолина и других производящих следствие возможно и при моих способностях передвижения, а на Шпалерную — это для меня почти недоступное далеко. Как ни утешала меня Лазаревская, но мое самочувствие осталось скверным и угнетенным. Вечером пришел новый удар: Кристи заявил желание присоединить мою комнату к своей (что для него, конечно, удобно), а меня переселить в Дом отдыха на $1\frac{1}{2}$ месяца, когда, как они предполагают, устроится особое помещение для престарелых ученых. Это предложение меня окончательно сразило, так как в Доме отдыха лестница почти в 90 ступеней, что для меня равносильно смерти, а во-вторых, — куда я там дену все мои вещи, распределенные по шкафам и шкафчикам. Здесь пол, обитый ковром, и еще важное удобство — электричество горит всю

²⁸ После обыска 14 июля академик В. И. Вернадский был увезен чекистами на Гороховую улицу, 2, а затем — в Дом предварительного заключения. 15 июля по распоряжению управляющего делами Совнаркома Н. П. Горбунова его освободили. Причина ареста осталась неясной. Вероятно, его хотели приобщить как бывшего члена ЦК кадетов и знакомого В. Н. Таганцева к «Делу Петроградской боевой организации В. Н. Таганцева».

²⁹ Дом предварительного заключения — первая в России следственная тюрьма. Открыт в 1875 г. Его 317 одиночных и 68 общих камер и карцер рассчитаны на 700 подсудимых, содержащихся в ДПЗ до суда, который проходил в примыкающем здании Окружного суда (с 1932 г. на этом месте «Большой дом»). В ДПЗ сидели по 1917 г. деятели разных партий от В. И. Ленина и Л. Д. Троцкого до П. Н. Милюкова, а при большевиках — великие князья, академики — С. Ф. Ольденбург, С. Ф. Платонов, Н. П. Лихачев, будущие академики — Б. Д. Греков, Ю. В. Готье, Е. В. Тарле, В. И. Питчета, философы — Л. П. Карсавин, Н. О. Лосский, А. А. Мейер, писатели — Н. С. Гумилев, Н. А. Заболоцкий, Ольга Берггольц, Н. М. Олейников (там и расстреленный), Д. Хармс, В. И. Чернышев, будущий маршал К. К. Рокоссовский и многие другие жертвы террора.

ночь и, следовательно, есть ночник, необходимый для моих ночных вставаний. Я совсем расстроился, дошел до истерики и лег спать с твердою решимостью добровольно не подчиниться желанию Кристи и довести дело до Совета Дома ученых.

Пятница, 15 июля. Вчера поздно вечером Поссе³⁰ явился согласителем. Заявил Кристи³¹, что мое здоровье и, в частности, мое сердце не позволяет мне даже временный переход в Дом отдыха; и что этот аргумент подействовал и Кристи сказал, что надо придумать какую-нибудь другую комбинацию — так что я лег спать несколько успокоенный. Сегодня удары судьбы все продолжают, еще новый и очень тяжелый. Пятница — прием пищи для сидящих на Шпалерной, оказалось, что для Нади отнесли передачу, и ее приняли, но от Кати Кнатц³² для Володи не приняли, потому что указания на прием для него пищи с Гороховой не сделано. Так что Володя остался только при одной казенной пище, которая там гораздо хуже, чем на Гороховой. Что будет в понедельник — посмотрим. Может быть, это простая канцелярщина: разрешение приема пищи не пришло вовремя; тогда устроится хоть потоп, но если это наказание за мою приписку³³, то это будет новый мой личный ужас.

Суббота, 16 июля. Утром устроил получку по пайковой выдаче, и для Володи получил продуктов за три выдачи. Очень много, одного хлеба 10 фунтов: хоть какое-нибудь подспорье. Получил по этой карточке и селедки, и свинину, но ужасно плохой кусок: почти ничего мяса; чтобы не испортилось, отдал все-таки кухарке зажарить. Из тюрьмы известия все мрачные: оказалось, что в пятницу не приняли принесенного и для Нади, и для Фроси, которая там тоже сидит с момента отвоза детей, сидит как свидетельница по делу Володи. Что-то будет в понедельник. Это настоящая гибель, потому

³⁰ Владимир Александрович Поссе (1864—1940) — публицист, издатель, лектор-просветитель.

³¹ Михаил Петрович Кристи (1875—1956) — меньшевик, с 1917 г. большевик. В 1918—1926 гг. заведовал Центром Академии наук и высшими учебными заведениями Петрограда, член пайковой и других комиссий КУБУ. В 1928—1937 гг. директор Третьяковской галереи, затем художественный руководитель Московского товарищества художников.

³² Екатерина Эммануиловна Кнатц — урожденная баронесса Нольде (1878—1940) — племянница А. Ю. Кадын, жена присяжного поверенного Б. Г. Кнатца, учительница Женской гимназии Л. С. Таганцевой и затем 15-й единой трудовой школы.

³³ В письме В. И. Ленину от 16 июня 1921 г. о деле своего сына Н. С. Таганцев сделал приписку, что чекисты увезли из его квартиры его личные вещи — «платье, белье, посуда и т.д.».

что казенная пища на Шпалерной совершенно невозможная: бурда вместо супа и кусок хлеба и утром, и вечером — и ведь это не для приговоренных, а для подследственных арестантов. Вчера весь ученый паек, полученный по карточке Володи, передал Кате Кнатиц, которая приходила за ним с дочерью. Сам Кнатиц бежал за границу.

Воскресенье, 17 июля. Хотел сходить к обедне, но не мог успеть одеться: запонка из дневной рубашки три раза проваливалась до носок (?), приходилось переодеваться. Были Молчанов³⁴ и Лазаревский³⁵, которые подтвердили, что неприем принесенной в пятницу пищи — это карательная дисциплинарная мера для целого ряда отделений мужской и женской тюрьмы за какую-то провинность, и, по слухам, эта принудительная голодовка продлится две недели. Что-то скажет понедельник, подтвердит ли он слухи. Лазаревский принес и другое известие: что вышел декрет, по которому проезд по трамваю и железным дорогам объявлен платным и притом в непостижимых, поверстно возрастающих, размерах. Например, проезд до Колпина в 3 классе стоит с чем-то десять тысяч рублей, в Царское Село — более 5 тысяч. До Москвы билет стоит около 150 000 (полтораста тысяч): но проезд командированных советских служащих и для всех красноармейцев даровой. Значит, опять новый повод для взяточничества и грабительств. Сообразно этому поднялись цены и на продукты, так как продающие накладывают на стоимость путевые расходы — конечно, в увеличенном размере.

Понедельник, 18 июля. Утром я взял ножную ванну для обрезаживания затвердевшей на пятках кожи. Это было часов в 12, в это время ко мне пришли сестры Нади — Софья Феликсовна и приехавшая из Витебска Любовь Феликсовна, которую я прежде не видал. Угостил их кофеем и хлебом с маслом, так как они выехали из Вырицы, еще не успевши поесть. Сообщили, что дети здоровы и веселы, затем сообщили, что они приехали в очередной день понедельник для передачи провизии, что Володе провизию приняли, но Наде и Фросе не приняли — но не потому (как сообщали ранее Молчанов и Лазаревский), что были беспорядки в тюрьме, а потому, что их обеих перевели на Го-

³⁴ Николай Иванович Молчанов — практикующий врач-невропатолог и психиатр.

³⁵ Николай Иванович Лазаревский (1869—1921) — родственник И. С. Тургенева и А. А. Фета, друг семьи Таганцевых, профессор государственного права Петербургского университета. В 1917 г. председатель Юридического совещания при Временном правительстве. В 1921 г. проректор Петроградского университета и профессор Института народного хозяйства и Института экономических исследований. Расстрелян по делу В. Н. Таганцева.

роховую. Мы порешили, что это, кажется, хороший знак, что, может быть, их выпустят, и все были очень веселы. Вечером ходил на лекцию брата Поссе, читает с небольшим перерывом 3 часа, предмет был очень пикантный — новейшие отрицатели Божества и всего сверхчувственного: Маркс, Ленин, Ницше, Прудон, Макс Штирнер. Читал или, вернее, говорил очень легко, гладко, так что слушалось с интересом — особенно о Ницше и Штирнере. Кончил в 10 ¹/₂ часов, а потом предложил, чтобы ему возражали. Записалось очень много народа. Я прослушал только первого — священника, который защищал Евангелие и говорил, что первым проповедником нестяжания был сам Христос, и потому самый тезис, что научные коммунисты-анархисты не могут быть при этом и верующими, по существу неверен. Эту точку зрения разделял и я. Потом я ушел, расцеловавшись со священником, и не присутствовал при скандале, которым окончилась лекция, когда целый ряд анонимных записок грозили лектору чуть ли не расстрелом.

Вторник, 19 июля. Утром я отправился к Озолину узнать, почему переведены Надя и Фрося на Гороховую. Полное разочарование — он сообщил, что об освобождении и речи нет, а их перевели только для удобства следователя, на допросы. Он дал понять, что они упорно отказываются дать подробные показания о заговоре белых, что должно, как полагает следствие, быть им известно, и что лишение приносимой пищи есть наказание за их упорство при допросах, и что они лишены приема приносимой пищи на целую неделю. С полным разочарованием возвратился я домой. Был страшный ливень с грозой, я переждал его в будке адмиралтейского сторожа, но когда он окончился и я пошел домой, то дорогой попал под два, хотя и коротеньких, дополнительных дождя, так что все-таки вымок порядочно.

Среда [20 июля]. Утром в 10 часов ходил за получением по зеленым карточкам. Получил по своему пайку и по пайку Володи; давали яйца (8000 — десяток), дали нам по 5 яиц, масло в расчете 16 000 за фунт (теперь на рынке уже 25 000) и сыр мещерский (14 400 — за фунт). Все-таки большое подспорье: и сыр, и масло порядочные. Яйца неизвестно какие окажутся. (Но сегодня, в четверг, съел первое яйцо — оказалось порядочное.) Читаю я теперь «Уленингеля», роман бельгийского писателя Шарля де Костера из времен Карла V и Филиппа II. В полном объеме я его не читал, так что первую часть вновь прочел с большим интересом.

Четверг, 21 июля. Утром получил известие, что мое решение на получение вещей переслано из Смального на Горо-

ховую, 2: будем искать там. Потом отнес письмо к следователю Агранову: прошу свидания с Володей или, по крайней мере, с Надей. Не знаю, что выйдет. Потом ходил в старый Государственный совет, к старому швейцару, который теперь сапожничает и о котором я уже писал в дневнике: сегодня отдал починить мои туфли. Сегодня получил белую ткань, раздаваемую по карточкам: годится для кальсон, оставлю Володе.

Пятница, 22 июля. Ничего нового, получил полотно по карточке и для Володи. Сегодня купил себе свежие грибы, неважные — сыроежки; но, говорят, недорого заплатил за 4 фунта — 3500 р.; не знаю, как их изготовят. Отдал варить, и к вечеру сварили, вышло очень много, хотя и не особенно вкусно, немного попробовал, но много боялся, как бы не расстроить желудок. У нас захворала младшая заведующая Анна Ивановна — упала, как и прежняя, хотя и не привалилась, но ударилась головой обо что-то, так что принесли домой (т.е. к нам), вечером доктор констатировал сотрясение мозга, серьезное заболевание. Вот судьба-то... Опубликовано воззвание патриарха Тихона к Англии и Франции о помощи нашим приволжским губерниям. Не знаю, откликнутся ли. Воззвание написано по требованию большевиков, так как их обращение и обращение Горького не подействовали. Вечером Корницкий передал мне добытое, наконец, постановление Губернской Чека о выдаче мне одежды и вещей.

Суббота, 23 июля. Утром занимался составлением реестра платья, белья и вещей, которые надо требовать, не знаю, что будет, думаю в воскресенье сходить к Максиму узнать, что там нового, у меня только разболелась на левой ноге ступня, так что не знаю, дойду ли, болит косточка и подошва. Сегодня приходила Анна Юльевна, сказала, что была на Шпалерной, там Наде опять посылки не приняли, а на Гороховой ее тоже не оказалось. Вероятно, опять вечером в пятницу перевели на Шпалерную, а разрешение получить добавочную пищу еще не прибыло. Сегодня окончил сыроежки, кажется, моя утроба снесла и эту пищу. Не знаю, отчего у меня разболелась ступня правой ноги, так что я с трудом могу ходить — а тут, как на грех, придется хлопотать о получении вещей, в пятницу у Анны Ивановны были доктора, и ни один из них не зашел ко мне, так как им никто не передал моей просьбы.

Воскресенье, 24 июля. Ольгин день. Дожди просто залили: сегодня ночью был опять страшный ливень с ветром, у меня ночью отворялись окна, так что приходилось вставать и запирает два раза. Днем ничего особенного не было. Получил туфли от швейцара.

Понедельник, 25 июля. Утром ходил с запиской, полученной у Корницкого, к Озолину — и понапрасну: он сказал, что по ней он ничего не может сделать, так как это не по его делу. Придя домой, пошел сейчас же в канцелярию Дома ученых, написал доверенность помощнику Корницкого на хлопоты о возвращении мне вещей. Видал Горького и поблагодарил его за ходатайство за меня в Москве.

Ночь проспал хорошо; правая нога после намазания йода Молчановым, который стал обер-доктором, болела менее. Утром была Софья Феликсовна, оказалось, что для Нади не приняли передачу, так как ее (так у авт.) в тюрьме на Шпалерной в списках не значится. Потом была Надя Миштовт, она сообщила, что вообще с передачей выходят затруднения, так как боятся передавать и отказываются. И без того Надя [Таганцева], бедная, вероятно, совсем изголодалась. Обратился к Кристи, чтобы он узнал, куда делась Надя. Обещал справиться, не знаю, что выйдет. Поздно вечером Молчанов опять смазал йодом.

Вторник, 26. Получил для себя и Володи по две пары носок, по 450 р. за две [пары]. Сегодня опубликовано обозрение следствия по делу Володи, но я до сих пор не мог достать. Вечером была Леночка³⁶, оказалось, что Лазаревский все еще сидит, но как свидетель по делу священника Боярского, и что-то пишет. Арестован также другой передававший пищу — Попов, положение все хуже и хуже.

Среда, 27. Получил сейчас сведения, что Кристи не узнал, где сидит Надя, она все голодает, когда это кончится? Сегодня провели мимо нас Попова и председателя Сапропельного комитета³⁷, арестован также и С. С. Манухин, бывший помощник Володи по Сапропельному комитету. Прочел сообщение, напечатанное по делу Володи в «Петроградской правде»: по сообщенному он будто бы давал подробные показания³⁸. Не знаю, сколько тут правды.

Четверг, 28. Сегодня именины бедного Володи. Не знаю, примут ли завтра ему передачу. О Наде никаких известий. Была Анна Юльевна, ей в справочном бюро сказали, что ответ дадут завтра. Сегодня изготовили для Володи пирог с черни-

³⁶ Е. М. Лазаревская — жена арестованного профессора Н. М. Лазаревского.

³⁷ Профессор А. И. Горбов.

³⁸ 26 июля «Петроградская правда» опубликовала пространное сообщение «Раскрытые заговоры. Выдержки из доклада Всероссийской Чрезвычайной комиссии о раскрытых и ликвидированных на территории РСФСР заговорах против Советской власти в период мая — июня месяцев 1921 г.». В нем В. Н. Таганцев назван «главарем заговора» и обильно цитируются его показания.

кую, сделала наша кухарка, взяла провизии очень экономно, а черники купила на 7000 2 фунта. Большой пирог попробуем в пятницу понести Володе, а маленький съел я с Миштовт и угостил Поссе. Прочел сегодня обращение патриарха Тихона к американскому народу о помощи голодающим у нас, а также письмо Горького (к ним же и о том же, но очень длинное и с претензией) и ответ председателя американской Лиги спасения детей, в котором черным по белому написано, что они могут ожидать помощи только в случае, если московское большевистское правительство представит серьезные гарантии, что уполномоченные Лиги могут действовать в России свободно. Это, очевидно, в связи с историей Петербургского отдела Лиги спасения детей, где я состоял почетным председателем, деятельность которого была прекращена распоряжениями большевистской власти. Получил сегодня известие, что и Совет Петроградск<ой> Коммуны постановил возвратить мне мое взятое имущество и распечатать квартиру, но дадут об этом мне сведения на будущей неделе, когда разыщут, куда спрятали имущество. Вероятно, ничего не найдут.

Пятница, 29 июля. Спал прилично. Утром часов в 12 пришла ко мне Анна Юльевна и сообщила, что она была у Ольденбурга³⁹ и передала ему письмо от ее имени, написанное Ленину, в котором она ходатайствует за Володю, своего племянника, напоминая Ленину, что покойный Александр Александрович⁴⁰ лечил Ленина и очень помог ему, и много раз бывал у него; Ольденбург обещал доставить письмо Ленину через Горького. После нее пришла Софья Феликсовна и сообщила еще более отчаянную новость, что нашлась Надя, что она на Шпалерной и что сегодня ей пиццу принесли. Значит, ей пришлось проголодать почти три недели. Что давали хлеба только $\frac{1}{2}$ фунта

³⁹ Сергей Федорович Ольденбург (1863—1934) — академик, санскритолог и буддолог, в 1912—1917 гг. член Государственного Совета, член ЦК кадетов. В 1904—1923 гг. неприменный секретарь Академии наук и с 1916 г. также директор Азиатского музея (Института востоковедения). 24 июля — 31 августа 1917 г. министр народного просвещения Временного правительства. В 1919 г. арестовывался по делу Национального центра. Летом 1921 г. Политбюро ЦК РКП(б) обсуждало отношение к нему, но репрессирован не был.

⁴⁰ Имеется в виду: Александр Александрович Кадьян (1849—1917) — хирург, шурина Н. С. Таганцева, дядя и крестный отец В. Н. Таганцева. В 1874—1878 гг. сидел за революционную пропаганду, на «Процессе 193-х» с помощью защитника Н. С. Таганцева оправдан, сослан под гласный надзор полиции в Симбирск, был семейным врачом Ульяновых. В земской больнице первым в России удалил у больного почку. Позднее — хирург Обуховской и Петропавловской больниц и заместитель директора Женского медицинского института в Петербурге, в 1917 г. — член Литейного райкома кадетов.

в день, а вместо супа простую горячую воду; я думаю, что и Фрося совсем извелась, но ей и теперь пицци никто не носит. Далее Софья Феликсовна сообщила, что у меня на квартире в воскресенье — понедельник были воры, перерезали веревку от печатей, но попали ли в квартиру — еще неизвестно.

Суббота, 30 июля. Утром приходила Анна Юльевна, сообщила, что ей дали справку, что Наде на Шпалерной; я рассказал, что была Софья Феликс^{овна} и что Наде посылку принял. Ждал Георг^{ия} Викентьев^{ича}⁴¹, но он не пришел. Вечером в 7 часов приходила Дурново, кот^{орая} не хотела более носить передач, но я ее упросил сделать это в понедельник, послал с нею чаю Володе, она принесла от него белье, Дурново оказалась очень милою и энергичною особото.

Воскресенье, 31 июля. Утром ходил сначала в церковь, был в х^{орале} Воскресение на крови, простоял там обедню, а оттуда отправился на Литейную, 46, был у Максимовой⁴². Оказалось, что ее мужа⁴³ как заарестовали после разрезания шнура для печатей, так и держат до сих пор на Горохов^{ой}. Приезжала комиссия: опять запечатали, входили в квартиру, они говорят — пока все цело, даже ковры на месте, где брошены. В этот раз не увезли ничего, разве в карманах. В воскресенье еще печати были целы, уцелеют ли до того времени, когда мне можно будет приехать — это Бог ведает. На обратном пути зашел к Симеонию, где обедню служил отец, Сергей, и после обедни оставался еще там, поговорили с ним душевно, обещался прийти как-нибудь ко мне.

Понедельник, 1 августа. Утром отдал мить белье Володи к четвергу, чтобы доставить в пятницу в тюрьму. У нас в Дале [ученых] стали кормить очень голодно: один раз в день и одно блюдо — щи из сухой зелени. Если бы не делать приварки в виде каши или риса, то можно умереть с голода — а тут еще хлеб окончился, хорошо, что после запасливой мамы остались сухари, утром я насытился сухарями, за обедом дали тарелку какой-то похлебки и сваренную мною пшеничную кашу. А потом, оказалось, принесли и хлеб, 4 ¹/₂ фунта, и треску. Вот

⁴¹ Георгий Викентьевич Миштовт (в дневнике — Жорж) (1879—1950) — муж Н. Н. Таганцевой, ученик академика И. И. Павлова. В 1918—1923 гг. врач Красной армии и по совместительству — 15-й единой трудовой школы. Позднее — врач Туберкулезного диспансера водников и Нейрохирургического института.

⁴² А. Максимова — жена Г. Г. Максимова, секретаря домового комитета в доме, где жили Таганцевы.

⁴³ Григорий Григорьевич Максимов (1883—1921) — кум В. Н. Таганцева, инженер-технолог, профессор кафедры технологии нефти Технологического института, член Сапропелевого комитета. Расстрелян по делу В. Н. Таганцева.

только завтра придется еще потерпеть, потому что треску сегодня отдали палочить. Но теперь, после чая с хлебом и сахаром, я совсем сыт.

Вторник, 2 августа. Нового ничего, утром ходил к Корницкому заявить, что в дамовом комитете на Литейнском сведений нет. Петров от комитета повез подтвержденное ходатайства.

Среда, 3 августа. Утром отнес письмо к следователю Агранову, опять хлопочу о свидании с Володей. Видел пришедшую получать кому-то по зеленой карточке Анну Юльевну. Сказала, что в пятницу она не будет передавать, потому что куда-то уезжает. Я с ней совсем поругался — такая эгоистка: благодаря ее языку из боязни перестала носить Кнати, так как она научила, что записывают, кто приносит, отказывалась носить и Дурново, так как ее фамилия опасная (хотя ее муж только однофамилец с Петром Николаевичем Дурново). Сегодня поздно вечером заведующая принесла известие, что дочь Константина Александровича Поссе⁴⁴, которая отправилась для разрешения от бремени в родильный дом, там в родах умерла.

Четверг 4 августа. Сейчас утром пришел Поссе и сказал, что дочь умерла в полном сознании, теперь у него остался один сын Владимир с семьей.

Четверг, 4 августа. Все то же.

Пятница, 5 августа. Отнес белье Володе. Была Гаврилова, просила купить масла.

Суббота, 6 августа. Вчера вечером было страшно тяжело на душе, будто предчувствие какого-то несчастья. Сегодня под утро видел во сне, что Франковский пришел и сказал, что с Володей покончили. Боже, неужели будет такой ужас, сердце так и замирает.

Воскресенье, 7 августа. Был страшный день, но как-то сердце перенесло и его, хоть был час, когда я думал, что конец; очевидно, что у меня этот аппарат окаменел и выдерживает все. Часа в три пришла чухонка Ольга, с которой я сидел в засаде, и своим лопатым языком сообщила, что Надежда Феликсовна умерла (а уже раньше было известие, что она харкала кровью), а потом она поправилась и сказала, что боялась меня напугать, а что она была на Литейной у Израилевич (т. е. над нашей квартирой) и там ей сказали, что Володя расстрелян; а Надя с горя умерла, и это ей на дворе подтвердил дворник. Вот что значил мой сон и непомерная

⁴⁴ Константин Александрович Поссе (1847—1928) — друг Н. С. Таганцева, математик, профессор Петербургского университета, почетный член Академии наук.

тяжесть всего утра. Что было со мною, и сказать нельзя. Я бросился к заведующей, упрямил ее вызвать Миштовт. Подошла к телефону Дурново, ее спросили, слышала ли она что-нибудь про Володю. Она отвечала, что в пятницу отнесли пиццу в тюрьму и ее принjali и для Нади, и для Володи. С меня как гора с плеч свалилась: да, еще милосердие Божие сохраняет их жизнь. Вечером пришла сама Дурново, напуганная моим запросом. Вечером пошел в церковь Конюшенную, куда принес-ли икону чудотворную святителя Николая из Колпина. Была всенощная, акафист святителю и общая исповедь. Помолился и я, да защитит мой патрон моих тюремных сидельцев. И опять скажу: что не перенести такие муки моей маме. Это мое двуязыльное сердце все стерпит!

Понедельник, 8 августа. Все то же, утром бегал в Конюшенную церковь, поблагодарил святителя, что пока его молитвами держатся еще наши заключенные. Днем получил по зеленым карточкам себе и Володе сухие фрукты — варенье, заплатил 60 000, деньги на исходе, а дальше полная гололудха.

Вторник, 9 августа. Был в комитете Горького, объявил о результатах хлопот Комитета о возвращении мне квартиры и вещей. Опять обещали похлопотать, но это, конечно, для успокоения совести. Сегодня уехала наша заведующая опять в Москву, послал с ней письмо к Гринбергу — хлопоту о разрешении мне отпуска за границу с тем, что обязуюсь по возможности приехать умирать сюда назад. Едва ли дадут. Слухи о Володином деле более успокоительные: предержавшие власти начинают сознавать, что то, что сообщено в газетах, раздуто. Но когда дело кончится — все еще неизвестно. Сегодня получил письмо от Нади из тюрьмы, она писала мне месяц назад в Царскосельскую санаторию, предполагая, что я там. Сегодня послал ей ответ в тюрьму, в котором сообщил ей о разгоне квартиры. Но лучше, думаю я, разрушить иллюзии и приготовить к грозящей на свободе нищете.

Среда, 10 августа. Ничего нового.

Четверг, 11 августа. Получил продуктовые карточки для Володи и для себя. Была Вера Петровская⁴⁵, она, конечно, с вос-торгом соглашается ехать к Зине, если это невероятное событие совершится.

Пятница, 12 августа. Целый день хлопот по продуктовым карточкам. Утром Оля Петровская получила по карточкам Володи — продуктовой и усиленного питания (последнее —

⁴⁵ Вера Михайловна Петровская (затем в замужестве Комарова) — двоюродная сестра Е. А. Таганцевой (Кадьян) по материнской линии.

французский подарок). Не могу не вспомнить, что мы никогда не посылали помощь заграничным, а нам присылают и французы, и шведы, и финляндцы, и американцы. Это любопытная черта социального характера. Кроме американцев, прочие присылают без оговорок, чтобы не украли большевики, но это не спасает от того, чтобы не воровала администрация Дома ученых, воровала в виде предварительного и обильного пользования присылаемыми продуктами, но и за то, что мы получаем, надо благодарить добрых людей. В частности, носили Петровские продукты для Володи (правда, за несколько выдач) — около $1\frac{1}{2}$ пудов, в том числе свинины 8 ф<унтов>, трески 5 фунтов и т.д., масло, сгущенное молоко. Вечером приходила Соколова — женщина-врач, несколько загадочная. Она сидела на Гороховой, а потом на Шпалерной, в страшном восторге от Володи, его характера, о том, как он держит себя на допросах. То, что напечатано, она тоже считает на $\frac{1}{2}$ вымыслом. Ей лет под 50, у ней убит сын возраста Володи; муж умер ранее. Производит она какое-то особенное впечатление. Преобладающее впечатление искренности, но в то же время кажется что-то напускное, так что даже временами думалось — не принадлежит ли она к контрразведке. Но во всяком случае я принимал ее с открытым сердцем. Боясь, не стал ли я смешным с моею <неразборчиво>. Я сам еще не вполне сердцем чувствую Бога — а потому и [мысль о нем] приходит на ум напускную религиозностью. Великую тайну моей души и весь смысл моего существования откроет смерть и потустороннее бытие. Во всяком случае, конечный аккорд уже недалек. Вечером на возвратном пути зашли Петровские. Они дотащили с трудом корзину со съестною провизией до Дурново, а потом зашли в 46-й дом на Литейный, там выдали заступающего место председателя домового комитета, который сказал, что пока квартира цела, но что будет далее — неизвестно.

Суббота, 13 августа. Ничего нового, целый день занят едой да чтением. Тоска берет. Хотел отдать в стирку присланное Володей белье, но нынче по субботам прачечная тоже бездействует, более ничего не произошло.

Воскресенье, 14 августа. Утром пошел в церковь Конюшенного ведомства, помолвился за здоровье и спасение Володи, но не могу удержать все время молитвенное настроение, так и лезут в голову праздные мысли, точно дьявол старается об этом. После обеда пошел к Дурново, там приготавливают посылку на понедельник для Володи, понесет Георгий Викентьевич, я только сделал надписи о посылаемом, чтобы он не беспокоился о том, что я жив. По квартире нового ничего. Устал очень, но спал хорошо.

Понедельник, 15 августа. Утром ходил получать французские подарки, народу — гибель, но, может быть, Петр Васильевич, служащий в распределении продуктов, устроит получение вне очереди по старости и спасет от толпы невероятной. Отдал белье Володи из тюрьмы стирать, по дороге видел Родэ улыбающегося, он сообщил мне невероятную новость, что будто в Москве Володя оправдан. Неужто Бог услышал мои грешные молитвы, а может быть, мамкина душа вознесла свои стенания к престолу Всевышнего. Просто не могу поверить, что это правда. Во всяком случае, должны прежде освободить Надю и Фростю. Тогда будет хоть некоторое вероятие. Сейчас был Александр Николаевич Гринев, он сообщил, что обыкновенную передачу сегодня приняли и Володе, и Наде, он, как и я, не верит в возможность полного освобождения Володи, моя вероятность освобождения тоже не возрастает.

Вторник, 16 августа. Пришло охлаждение, то был радостный сон, мои предчувствия оправдались. Сегодня я пошел подробнее расспросить Родэ. Он пришел в Комитет пред самым Горьким, подтвердил мне тот же слух, но когда я обратился при нем к Горькому, с ним же приехавшему из Москвы, то тот отозвался, что он ничего не слышал. Родэ тут же мне заявил, что он это слышал от одной дамы, которая знает из верного источника! Значит, в конце концов, все это одни разговоры, а не факты. Последних придется ждать. Была во время обеда Анна Юльевна, я был опять с нею почти груб, но не могу отучить ходить во время еды и смотреть в рот, как я кладу ложку супа или каши, я встаю из-за скудной пищи при ней совершенно голодный. Она носится с тем, что получила письмо от секретаря Ленина (она писала Ленину письмо за Володю, основываясь на том, что Ленину помогал, т.е. лечил его, покойный Кадыан). Собственно, в ответе ничего нет. Секретарь пишет от имени Ленина, что обвинения против Володи так серьезны, что об освобождении из тюрьмы и речи быть не может. Она смотрит иначе и говорит, что это доказывает, что, значит, приговора к смерти быть не может, а затаянная мысль, что она потом может говорить, что Володя спасен благодаря ее вмешательству. Ну, да Бог с ней, ее самонадеянность не переделаешь. Только бы спасся Володя. Одно меня радует, что с кем бы ни приходилось говорить о Володе — к нему общее сочувствие. Несомненно, он порядочный человек.

Среда, 17 августа. Ничего нового. Все те же мелкие ряды на поверхности нашего болота. С удовольствием ем фасоль, присланную французами в подарок. Сегодня по зеленым карточкам раздавали за деньги мясо, конфеты и картофель; от мяса я отказался и за себя, и за Володю: теперь дама держать нель-

зя — протухнет, да и дорого (6000 фунт), а денег все меньше. С большим удовольствием ем французскую фасаль: немного посахарить, хорошенько разварив и подправив салом, — это объеденье.

Четверг, 18 августа. Нового ничего нет, о допущении меня в мою квартиру даже перестали говорить, сегодня у меня был Георгий Викентьевич с Сашей, они уже переехали с дачи, передал ему белье для Володи.

Пятница, 19 августа. Сегодня первый Спас, ходил в Кнюшенную церковь — простоял всю обедню и дождался освящения фруктов. Все-таки довольно много народа принесло по нескольку яблок святить, но большей частью мелких. Мы с Эспер Эсперовичем Ухтомским⁴⁶ кутнули, купили по 2 десятка темных мелких слив, прежде были 10, 15 коп. десяток, а теперь заплатили по 2000 десяток. Бывало, я покупал корзинками на Щукинском для маринада и варенья — а теперь? Зато у нас полное равноправие и коммунизм анархический.

Суббота, 20. Утром в 11 часов пошел к Миштовт, она гуляла с Сашей, от нее узнал, что вчера Соколова отнесла к Володе подушку, как обещала. Надя находит, что Соколова просто экзальтированная особа, но, по-видимому, наши сомнения с Жоржем, что она — контрразведка, ошибочны. Все возможно. Я могу сказать только, что гнетущее сознание моего бесцельного существования все висит над сознанием, как камень, и разрешится оно, вероятно, только могилой. Я устал ждать: это не одна только фраза. Если бы к челму-нибудь прилагать свои все еще существующие силы — а то жизнь разменивается, как и мой дневник, на биллонную монету!

Воскресенье, 21 августа. Сегодня проспал, т.е. встал в 7^{1/2}, а по настоящему пулковскому времени в 4^{1/2}, но так теперь весь Петербург живет. Утром приходила какая-то особа в костюме сестры милосердия узнать адрес Глазковского. Тоже, как Соколова, показалась мне подозрительной. Но это свойство старости, которая «ходит осторожно и подозрительно глядит». Эта сестра из Полтавы, говорит, что она служит в районном ЧК, по поводу Володи говорит с враждебным оттенком, что он многих запутал (но кого и как — не сказала), но пояснила, что он был распространителем прокламаций, конца следствия не видно, напротив, новые аресты все продолжают. Но, по-видимому, они сами не знают, что ищут, а так хватают и держат.

⁴⁶ Князь Ухтомский Эспер Эсперович (1861—1921) — 31-е колено князей от Рюрика, художник-скульптор, ученик Родена, научный сотрудник Художественного отдела Русского музея, друг В. Н. Таганцева, расстрелян по его делу.

22, понедельник. Опять такой же бессмысленно-тоскливый день. Сижусь, как судно в полный шторм, на мертвой точке. Вот для примера сегодняшняя еда. Утром 4 стакана кофе с хлебом, помазанным маслом с сахаром. В 12 часов сегодня (в виде исключения) почти 3 стакана выпил внакладку с сахаром, а в 2 часа обед — суп с макаронами и жаркое (кусочек свинины с рисом). Затем ел компот с прибавкою кусочка трески; в 7 часов вечерний чай с кусочком хлеба и с компотом — еда бесконечная, но для мысли никакой работы. Утром опять пытался поговорить с Родэ, обещался прийти поговорить по душе в 8 $\frac{1}{2}$ — но, конечно, надул; а грозная осень надвигается, без всякой одежды, и деньги на исходе — сегодня опять по пайкам уплатил около 50 000. После обеда заходил издатель журнала «Дела и дни», о котором я писал ранее. Взял для ознакомления мой этюд о поэтах и воспоминания, переписанные мамой, о пензенской гимназии. Господи, до чего бы я был рад хоть что-нибудь напечатать. Нас свел священник, который работал в «Маяке» при Ольденбургском; вспоминали несколько анекдотов из того времени и добрейшего, но ограниченного Александра Петровича Ольденбургского. А я при этом подумал: какая тоска, должно быть, нашим эмигрантам без дела на чужбине, когда я не знаю, куда деваться от безделья.

Вторник, 23 августа. Я описал, собственно, этот день выше, потому что стал записывать вечером во вторник; днем отдал в стирку белье, тоже занятие.

Среда, 24 августа. Начинается еще голод интеллектуальный: читать нечего, нет книг. Это новый источник отчаяния.

Четверг 25 августа. Все то же.

Пятница, 26. Получил вчера опять бумагу из Москвы (официальную), подтверждающую, что я имею получить вещи обратно; отнес бумагу показать Горькому, он распорядился, чтобы с этой бумагой послать в ЧК Курляндского. Я забыл написать, что в среду и четверг получил из тюрьмы письма Володи, Нади и Фроси. Хотя они посланы официально тюремным начальством, но оно не наклеило марки (или, вернее, не поставило официального штампа, что это послано из учреждения), а поэтому я заплатил пеню — за 3 открытки 600 рублей, хотя прибавлю, что почтовых марок даже в почтамте получить нельзя. Нада [Миштовт] ходила сама. Вот тут и исполняй требования: марок купить нельзя, а за ненаклейку почтовое отделение берет штраф. Это настоящие анархические порядки. Сегодня сообщили слухи, одни вполне или почти что вполне достоверные, а другие несколько непроверенные. Первое — что третьего дня произведено много арестов среди,

главным образом, моряков (как профессоров Морской академии, офицеров, так и среди матросов). Чуть ли не до 300 человек — во всяком случае, много; второй — что будто войска отправлены в большом количестве на границу с Финляндией, много артиллерии и пехоты, но с кем будут драться — не знаю. Признаться сказать, я этому слуху не верю.

Перечитывая написанное, я заметил, что ничего не написал о содержании писем, полученных из тюрьмы. В письме Володы он сообщает, что, проезжая по набережной на допрос к следователю, он видел Поссе, который шел очень бодро, и вспомнил обо мне; он прибавляет, что, может быть, следователь скоро разрешит нам свидание — дай-то Бог, хотя надежды мало. Надя в своем письме просит достать из шкафа и прислать ей какое-нибудь платьишко, значит, мои указания в письме к ней, что у нас все увезено из квартиры, не дошли до нее через тюремную цензуру — зачеркнуто. Фрося пишет то же: чтобы я прислал ей одеяло, а то становится холодно; что она страшно голодает, так как ей никто ничего не носит. Это все верно, но что же я-то могу сделать, так как дамой попасть не могу, а на покупку даже хлеба денег не хватает. У меня все денежные средства приходят к концу, и что я буду делать дальше — не знаю.

Суббота, 27 августа. Ходил к Курляндскому; говорит, что он передал московскую бумагу нашему юрисконсульту, и он сегодня пойдет в ЧК (Чрезвычайная комиссия); но, вероятно, не поехал, или опять ничего не узнал и не сделал.

Воскресенье, 28 августа. Успение Божьей Матери. Утром ходил в Конюшенную к обедне. Там видел дочерей Фриш⁴⁷; они сказали, что предполагавшееся у них мое чтение о поэтах не может состояться ранее сентября. Вечером пришла Надя с ужасно странными и непонятными известиями. В пятницу не приняли провизию ни Володе, ни Наде; а вчера утром от нее приняли передачу только Володе, но на Гороховой — значит, его опять перевели сюда⁴⁸. Говорят, что всех их перевозят в Москву, где будет разбираться дело. Вечером тотчас вслед за Надей зашла Анна Юльевна; опять пришла во время моей вечерней еды и опять лишила меня возможности спокойно лечь спать. Удивительно неприятно действующий человек; а может быть, я и сам стал невозможен.

Понедельник, 29. Утром пошел к Озолину на Гороховую, чтобы узнать что-нибудь про Володю, но совсем неудачно; ока-

⁴⁷ Фриш Ольга и Софья Владимировны, дочери бывшего шталмейстера, сенатора В. Э. Фриша, внучки председателя Государственного Совета в 1906—1907 гг. Э. В. Фриша, бывших сотрудников Н. С. Таганцева.

⁴⁸ Последние показания В. Н. Таганцева датированы 27 августа 1921 г.

залось, что сама чрезвычайная следственная комиссия переехала на Итальянскую, 17, около Пассажа, и я ходил напрасно.

Вторник, 30. Утром пошел на Итальянскую, 17; там Озолина не оказалось, вместо него получил с трудом пропуск к помощнику коменданта, какому-то латышу. Он на мой вопрос — могу ли узнать: здесь ли Володя или увезли в Москву — сначала сказал, что об этом справки не выдаются; но на мои слова, что я спрашиваю в видах доставления ему пищи, сказал, что справку можно получить только от <написано неразборчиво>. С тем и ушел домой. Устал я страшно, чуть доплелся домой. Во всяком случае, Лазаревского и Ухтомского увезли в Москву. Вечером хотела прийти Е. Н. Соколова, которая собирается тоже в Москву, чтобы посылать пищу заключенным, но не пришла.

31 августа, среда. Спал хорошо; хорошо, что хоть сон подкрепляет. Ходил к нашей маркизантше Смирновой, купил $\frac{1}{2}$ фунта масла сливочного, заплатил за $\frac{1}{2}$ ф^унта 15 000; мне недели на две, наверное, хватит. Что-то будет сегодня. Ходят все сплетни, что мы отправляем войска на границу с Финляндией; но я полагаю, что это опять слухи, распускаемые, чтобы проволочить время до заморозков. С моими вещами любопытная и неразрешимая проблема: из Москвы я получил второе подтверждение, что я могу получить вещи; от здешней комиссии имею извещение, что могу получить вещи и войти в квартиру; но квартира остается запечатанной, и я попасть туда не могу. Мудрый Эдип, разреши эту загадку! — А осень навигуется, и у меня нет платья и белья, нет осенней и зимней одежды. Мне приходит на мысль, что, может быть, следовало бы просто подмазать кого-нибудь, хотя бы еще дать половину того, что осталось — но кого и как? Уход за границу приговоренного Шаховского стоилему, говорят, 1 миллион; но у меня таких денег нет. Вечером была Надя [Миштовт], та ничего не может представить, где Володя и Надя [Таганицева]; но, в сущности, теперь Надя занята только одним Шуриком, и ей, конечно, уход за ним и работа по квартире поглощают все время, а теперь еще начинаются занятия по бывшей Тенишевской гимназии. Еще позднее была Лазаревская, тоже вне себя — не знает, где Николай Иванович; ехать в Москву не может, средств нет. Надеется, что будет прикармливать через кого-то.

Четверг, 1 сентября. На дворе ясно, но прохладно. Большие писать не буду. Сейчас получил известие, что убили и Володю, и Надю — расстреляны, царство им небесное, а убийцам вечное проклятие со всем их режимом и чадцами, и домо-чадцами.

Н. Таганцев

Делают исключение только для записания получаемых подробностей расстрела.

Во-первых, расстрел был на рассвете с 24 на 25 августа и происходил на Ириновской железной дороге, где похоронены или, вернее, брошены их тела. Вероятно, получили и подробности, раз уж отыскался источник, свидетель расстрела; но об этих подробностях, как и статистических некоторых сведениях, извлеченных из напечатанного в «Петербургской (или Петроградской) Правде» от 1 сентября 1921 г., сделают [записи] в особой статье, когда жгучее страдание, вызванное этим убийством, несколько уляжется.

Но по прошествии 8 дней после полученных мною сведений о совершившемся убийстве или расстреле Володи и Нади возобновляю рассказ.

8 сентября, четверг. Утром я пошел в дом Шереметева на Фонтанке, где, по имеющимся у меня сведениям, заведующий музеем Пиотровский⁴⁹ может сообщить некоторые сведения об исполнении убийства. Был у него, оказался очень милый, знающий хорошо последнего покойного графа Шереметева, который был членом Государственного совета; он дал обещание покойному оберегать его ценное хранилище и пока исполняет это. Обещал добыть эти сведения и сообщить мне.

По дороге к нему встретил Бака⁵⁰, жившего по одной лестнице с нами на Литейном, в 5-м этаже. Он сообщил мне неожиданную новость, что уже неделя, как печати с моей квартиры сняты и туда вселены какие-то субъекты — новым председателем домового комитета (прежний, Григорий Григорьевич Максимов, кум Володи, расстрелян вместе с Володей). Бак, во-первых, угостил меня по дороге в одной из открытых кофеен около Пассажа кофеем со свободной булкой и даже сладким пирожком. Обещал ко мне завтра прийти и принести подробные известия о квартире. Потом я пошел к дочери Наде Миштовт, которой муж болен страшным флюсом.

⁴⁹ Николай Грацианович Пиотровский (ум. 1931) — комиссар Фонтанного дома графов Шереметевых, друг князя С. А. Ухтомского. В 1922 г. член Русско-польской комиссии по возвращению памятников польского искусства в Польшу, обвинен в контрреволюции на фронте искусств, после 9 месяцев тюрьмы уехал в Польшу, где был директором Архива князей Сангушко.

⁵⁰ Аркадий Фадеевич Бак (1879—1921) — сосед Таганцевых по дому, корреспондент Иностранного отдела Совнархоза, переводчик Коминтерна и член комиссии по досрочному освобождению из Петроградской ГубЧК. Обвинен в разглашении сведений об арестованных по делу В. Н. Таганцева.

Вечером вчера совершенно неожиданно явился старый мой приятель Цветков Михаил Алексеевич, который сообщил мне, что он просидел три месяца по делу Володи. Взят он в Москве, поводом было какое-то письмо его ко мне, пришедшее как раз во время ареста Володи. В письме оказались какие-то слова, показавшиеся властям подозрительными, но под расстрел он, к счастью, не попал — как-то отхлопотала его дочурка, энергичная девица, хотя ей только 16 лет; она разыскала каких-то влиятельных коммунистов, знавших о мирной жизни Михаила Александровича в Москве в качестве заведующего. Трудно написать, как я обрадовался, увидев его. Это первый теплый луч в настоящей безотрадной атмосфере. Ему разрешили уехать в Москву, освободили его уже третьего дня, но он был у Чаплина и тот, совершенный рамоли, напугал его, что ко мне опасно ходить — вероятно, у меня засада и т. п. Он получил уже билет в Москву, но все-таки решил зайти повидаться перед отъездом. Невероятное ему спасибо. Он, чудак, думал, что я голодаю, и принес мне много дорогого вкусного $\frac{1}{2}$ [фунта] масла, булки сдобные, колбасу чайную, сахару. Я был страшно тронут. Очень досадно, что он не мог посидеть подольше.

9 сентября, пятница. Бак хотя и обещался непременно прийти сам или прислать сына, но не сделал ни того, ни другого. Зато неожиданно среди дня явился ко мне чиновник нашей канцелярии и сообщил, что за мое дело взялся помощник коменданта нашего Дома [ученых] и предполагает отправиться вместе со мною в склад на Гороховую. Поэтому просил составить список вещей, которые я полагаю требовать, и отстукать этот список на машинке.

Пополняю несколькими сведениями за пропущенные дни дневника. В субботу прошлую были большие панихиды по убиенным в Казанском соборе в 4 часа о князе Ухтомском, а в 5 часов по Лазаревскому, служили их оставшиеся жены. Конечно, общие рыдания были страшные, народу было довольно, особенно длинная была панихида Лазаревской, служил настоятель Казанского собора, какой-то особый чин заочного отпевания. В воскресенье была наша панихида об убиенных Володе и Наде, а в понедельник — о Попове — единственном сыне <доктора> Попова, который лечил и маму.

До сих пор еще не сообщили Кирику о смерти папы и мамы, не знаю, как мы это сделаем, но он, несомненно, что-то чувствует: собирается учиться писать, чтобы написать или письма, отворачивается от дома № 46, когда проходит мимо, и т. п. Пока я устроил так, что паек по карточкам Володи идет его детям.

В понедельник, 12 сентября. (день Александра Невского), не дождавшись присылки от Бака обещанных бумаг, т. е. копии из дел домового комитета об отправленных вещах, сам пошел к нему, но на дворе встретил сына, который ехал ко мне; Варичев, коммунист, заместитель Максимова, выдал копии, но сам Бак оказался заарестованным (где и как — подробностей не знаю), пошел с пакетом домой, как вдруг слышу сзади голосок «Дедушка, дедушка», — оказалось, что догнал меня Александр Николаевич Гринев с Кириком и Ниною, его дочерью, шли они к Миштовт поздравить Сашу, который был вчера именинник. Опять судьба, столкновение у самых ворот. Я несказанно обрадовался, Кирик тоже. Пошел я с детьми к Миштовт, напился шоколаду и отправился домой.

Вторник, 13 сентября. Утром в 12 часов отправился я с помощником нашего коменданта (т. е. Дама ученых) Пановым, который сам вызвался помогать мне в получении вещей и оказался хотя членом коммунистической партии, но неглупым, а главное, дельным человеком. Пошли мы на Гороховую, в отдел выдачи вещей. Ему вход везде доступен. Предъявил он нашу просьбу и бумаги (копии), взятые на Литейном у Варичева. Они посмотрели, справились, сказали, чтобы приходили через день, т. е. в четверг. Что-то будет? Впрочем, и сам комендант говорит, что, вероятно, большинство вещей стацено.

Среда, 14 сентября. Весь день просидел дома, после обеда заходила Дурново с Моховой, очень благодарила, что я дал ей возможность увидеть доктора из Выборгской тюрьмы (Кресты), где лежит ее больной муж. С ним ей не дают свидания, и она очень напугана, хотя несомненно, что ее муж сидит только потому, что есть другой Дурново, которого имя и отчество те же, так что и прежде их спутывали, а против него нет прямого обвинения. Но теперь и такая явная ошибка не спасает. Это водевиль вроде известного рассказа два Ивана, два Степановича, два Костылькова, но при теперешних порядках водевиль легко может обратиться в трагедию.

Четверг, 15 сентября. Оказалось, что Панову, когда он поехал на Гороховую, то его не допустили к коменданту, пришлось отложить.

Пятница, 16 сентября.

Суббота, 17 сентября.

Воскресенье, 18 сентября. У меня, во-первых, были гости: Кирик, Нина с матерью Софьей Феликсовною. Было большое угощение: у меня были какао и чай, они принесли с собою пирог с тыквой — объеденье, затем при них приходил Ва-

ричев, объявил, что надо подождать, потому что они сдали в пользование вещи жильцу — другими словами, грабеж продолжается, и конца-краю не видать. В понедельник опять ездил Панов, отложили до вторника. До того все надоело, что и сказать нельзя. Если бы не угрожающее расхищение всех вещей, то, кажется, отказался бы. Будем опять ждать. Совершенная повесть о капитане Копейкине. Только в другом жанре.

Понедельник, 19 сентября. Была Надя с Сашей — оказывается, что моя помощь помогла Дурново, и мужа наконец освободили, но совсем больного — и то хорошо, что не расстреляли. Вторник, у нас второй день никакой пищи не дают, так что я с Поссе делала свой суп, а потом рисовая каша, большинство наших девушек уволены Кристи. Вместо них будут новые, но с сокращением штатов. Ах, как все надоело!

Вторник, 20 сентября.

Среда, 21 сентября. Получил по пищевому пайку и, кроме того, добавочный картофель — 10 фун<тов>, так что запасы есть. По зеленым карточкам выдавали американские мясные консервы по 2 ф<унта> на карточку, но страшно дорого — 40 000, взял только 1 банку, т. е. половину выдачи, и то для Нади Миштовт, а для меня и дорого, да и мяса я не хочу.

Четверг, 22 сентября. Я пропустил записывать целую неделю, восстанавливать по дням прошлую запись было бы очень скучно, да и едва ли правильно, так как позднейшее случившееся часто меняет предполагавшееся. Буду делать сводку за неделю в систематическом порядке.

Метеорологические [сводки] — погода за эту неделю была уже ранне-осенняя, прохладная около 5 по Реомюру в среднем. С ежедневными дождями, так что ранняя настоящая осень.

По общежитию. В начале недели питались плохо, а под конец был один день, когда казенной пищи совсем не было, так что был один день, когда я себе и Поссе варил суп из собственных продуктов. Со вторника стали питаться опять из казенного котла на нас пятерых. Впрочем, Ухтомский обедал только два раза, а с прошлой среды застрял в Царском [Селе] и там расхворался.

Дела мои по получению имущества мало продвинулись вперед. Получение с Гороховой отложено до этой недели, когда обещают дать окончательный ответ, дадут ли что-нибудь.

Получение вещей из квартиры еще в более худшем положении. Там чуть было не отняли все мое имущество по подложному

распоряжению жилищной комиссии. Пока вовремя приостановлено, на этих днях выяснится, получу ли я что-нибудь или останусь абсолютно нищим.

Сейчас у меня Габриель Богдановна Сапожкова, поплакали мы с ней, какая она милая и отзывчивая.

Что-то будет завтра.

Пятница, 26 сентября. Ничего.

Суббота, 27 сентября. Ничего.

Воскресенье, 28 сентября. Ничего.

Понедельник, 29 сентября. Ничего.

Вторник, 30 сентября. Ходил в церковь, сегодня именинница Надя Миштовт и Надя Таганцева, но оказалось, что обедня была в 8 часов утра, так что я видел только запертые двери.

Среда, 1 окт<ября>. Ничего.

Четверг, 2 окт<ября>. Ничего.

Пятница, 3 окт<ября>. Я ездил на Литейную, 46, и поневоле на двухколеске, но без толку: был на квартире, пока слабые остатки мебели сохранены, но получить нельзя. Жилец Зубков заявил, что он в пустой квартире остаться не может и часть вещей удержит. Приходится соглашаться.

Суббота, 4 окт<ября>. Вчера, возвращаясь в двухколесном, мы попали одним колесом в яму; так трянуло, что спина совсем отнялась — вынул меня из экипажа буквально Панов, хорошо, что он сильный.

Воскресенье, 5 октября. Отоспался и спина немного отошла.

Понедельник, 6 окт<ября>. В обед приходил Варичев: хлопочет, чтобы дать ему доверенность на укладку в ящики движимых вещей, подлежащих вывозу, — очевидно, хочет стащить что-нибудь; пока отказал, так как надо получить в Даме ученых. Пока остались на старом положении. Получил паек по зеленой карточке — своей и Володи.

Вторник, 7 октября. Сегодня 40-й день расстрела, утром был на панихиде по Ухтомскому. В 4 часа будет наша панихида. Сходил на панихиду, но за вещами поехать не пришлось — не было грузовика. Страшный северо-западный ветер. Вода поднялась очень высоко. Опасаются наводнения.

Среда. Ночь всю были тревожные пушечные выстрелы. Но к утру ветер переменился и стал северный, опасность наводнения пока миновала.

Дальнейшего дневника не веду, потому что он не имеет никакого общественного интереса. Если что-нибудь случится особенное, то начну записывать вновь, буде окажется для сего годным.

Прерываю 3 дек<абря> 1921 г<ода>. Наконец, — то близок конец этого года.

Запишу только последнее утешительное известие.

Николай Александр<ович> Елагич, который снабдил меня своим зимним пальто и тем дал возможность выходить на улицу, сообщил мне, что он видел Сергея Серг<еевича> Манухина, который сидел в тюрьме месяца 3 неизвестно почему, освобожден благодаря хлопотам его падчерицы, но возвращен после операции в тюрьму на Шпалерной и подведен под амнистию. По словам Елагича, лежит в одной комнате со своею женой и поправляется очень медленно, совсем постарел и совершенно седой, но все-таки жив.

7 декабря. Хлопоты по получению зимнего платья кончились после моего личного путешествия на Гороховую вместе с Пановым тем, что объявили, что дело затребовано из Москвы и нужно прийти в январе справиться.

Конец 1921 г<ода> ничем буквально не ознаменовался.

26 дек<абря>, понедельник. Продолжились у нас музыкально-литератур<ные> понедельн<ики> в нашем общежитии. Я читал некоторые стихотв<орения> Надсона, к<оторого> рожден<ие> совпало с 14 дек<абря>, причем сказал несколь<ко> слов о нем; вечер выш<ел> довольно удачный.

1922 год. Начало его ничем не ознаменовал<ось>.

2 январ<я>, понедельник. Чтение наше почти не удалось, музыкальной части совсем не было, так как захвор<ал> сын Кристи: опасались даже, что у него дифтерит, но оказался ложный круп. У меня 3 дня гостил Кирик.